



**РУССКИЕ  
НАРОДНЫЕ  
СКАЗКИ**



ОГИЗ  
ИВАНОВО \* 1941









10-09/к.

# РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ



ОГИЗ  
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ  
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

94

.- 2010

Редактор Д. Г. Прокофьев.

Художник И. Т. Колочков.





**Ж**ИЛ-БЫЛ барин, богатый-пребогатый. Не знал он, куда свои деньги девать. Ел-пил сладко, одевался нарядно, гостей у него каждый день столько было, что у иных по праздникам того не бывало. А все у него денег не убывало, еще прибывало. И захотелось раз барину пошутить над мужиком-дураком, себе и гостям на потеху. Призывает он самого бедного мужика из деревни и говорит ему:

— Слушай, мужик. Дам я тебе денег целую меру, только скажи мне, чего на свете не бывает. Нынче люди до всего дошли: и на чорте ездят, и по небу летают, и в Питер по проволоке лапти послать можно. Скажи, чего на свете не бывает?

Почесал мужик затылок.

— Не знаю, — говорит, — барин, кажись, взаправду все на свете бывает. Дай сроку до завтра, — может, и вздумаю.

— Ну, пойди, подумай, — говорит барин, — а завтра приходи, ответ приноси.

Мужик до петухов не спал, все барскую загадку отгадывал. Раздумает, так и мало ли чего на свете не бывает, а и то в ум придет: „Может это и бывает, только я не знаю. Ну, да ладно, скажу наудачу, авось, чего и не бывает!“

На другой день пришел он к барину.

— Ну что, мужик, теперь знаешь, чего на свете не бывает?

— Одного, барин, не бывает: топором никто не подпоясывается, ног за топорище не заткнет.

Усмехнулся барин, усмехнулись и гости. Видят: мужик-то сер, да ум-то у него не волк съел. Надо меру отмеривать. Да

барин нето денег пожалел, нето хотел еще над мужиком пошутить, кто его знает, только и говорит мужику:

— Нашел, брат, что сказать. У нас подлинно этого не делают, а в чужих землях так сплошь и рядом бывает. Ступай с богом до завтра. Придумаешь, — ответ приноси.

Продумал мужик и другую ночь. Что ни вздумает, все надежда плохая на барские деньги. „Хитры немцы, — думает, — у них, может, все бывает. Ну, да скажу еще что-нибудь!“

Приходит наутро к барину.

— Ну, мужик, все ли на свете бывает?

— Не все, барин: баба попом не бывает, красная девка обедни не служит.

Усмехнулись все, только барин опять ему денег не дал.

— Нет, — говорит, — это бывает: по неметчине и все так. Поди подумай последний раз. Скажешь, бери деньги, а то не прогневайся.

Плюнул с досады мужик, идя домой, думает: „Видно, одному только не бывать, чтобы у меня деньги были!“

Все-таки через ночь опять идет к барину. „Наскажу, — думает, — ему всякой всячины, может, что и небывальщина будет“.

— Ну, что хорошенького скажешь? — спрашивает барин. — Не узнал ли, чего на свете не бывает?

— Все, барин, бывает, — говорит мужик. — Думал я, что люди хоть на небо не попадают, а здесь сам побывал, теперь поверил, что и это бывает.

— Как же ты на небо попал?

— Покойница жена побывать наказывала и подводу за мной выслала: двух журавлей в разнопряжку. В один прогон доехали. Повидался с ней, с ребятишками и к твоей милости воротился.

— И назад с журавлями?

— Нет, назад я соскочил.

— Как же ты, мужичок, не убился?

— А так, что по уши в землю завяз, не жестка земля попалась.

— Из земли как вылез?

— Хе... как! А сходил домой, принес лопату, выкопался да и вылез.

— Не видал ли ты на небе покойного барина, моего родителя?

— Как же, видел, к ручке допустить изволили.

— Ну, что же он там делает? — допрашивает барин.

А мужик-то не будь плох, догадался и говорит:

— Что покойный барин делает? Да после моих ребятишек постилки моет.

— Врешь, мужик-дурак! — закричал барин. — Того на свете не бывает, чтобы барин у холопа нянчился! Бери деньги да не мели окоlesiцы!



В некотором царстве жили-были старик со старухой в великой бедности.

Прошло ни много, ни мало времени — померла старуха. А на дворе стояла зима лютая, морозная.

Пошел старик по соседям да по знакомым просить, чтоб пособили ему вырыть для старухи могилу. Только и соседи и знакомые, зная его великую бедность, все начисто отказали.

Пошел старик к попу. А у них на селе был поп куда жадный, несовестливый.

— Потрудись, — говорит, — батюшка, старуху похоронить.

— А есть ли у тебя деньги, чем за похороны заплатить? Давай, свет, вперед.

— Перед тобой нечего греха таить: нет у меня в доме ни единой копейки. Обожди маленько, заработаю — с лихвой заплачу. Право слово, заплачу.

Поп не захотел и речей стариковых слушать:

— Коли нет денег, не смей и ходить сюда!

— Что делать? — думает старик. — Пойду на кладбище, вырою как-нибудь могилу и похороню сам старуху.

Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище. При-

шел и начал могилу готовить: срубил сверху мерзлую землю топором, а там и за лопату взялся. Копал-копал и выкопал котелок. Глянул, а он полнехонько червонцами насыпан, как жар блестят!

Крепко старик возрадовался:

— Будет на что и похоронить и помянуть старуху!

Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понес домой.

Ну, с деньгами, знамое дело, все пошло, как по маслу! Тотчас нашлись добрые люди: и могилу вырыли и гроб смастерили. Старик послал невестку купить вина и кушаньев и закусок разных — всего, как должно быть на поминках. А сам взял червонец в руку и потащился опять к попу.

Только в двери, а поп на него:

— Сказано тебе толком, чтоб без денег не приходил, а ты опять лезешь!

— Не серчай, батюшка, просит старик, — вот тебе золотой — похорони мою старуху. Век не забуду твоей милости.

Поп взял деньги и не знает, как старика принять, где посадить, какими речами умилишь:

— Ну, старичок, будь в надежде, все будет сделано.

Старик поклонился и пошел домой, а поп с попадьёю стали про него разговаривать:

— Вишь, старый!.. Говорят: беден, беден, а он золотой отвалил. Много на своем веку схоронил я именитых покойников, а столько ни от кого не получал.

Собрался поп со всем причтом и похоронил старуху как следует.

После похорон просит их старик к себе помянуть покойницу.

Вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что взялось — и вино-то, и кушанья, и закуски разные — всего вдоволь.

Гости сидят, за троих обжираются, на чужое добро зарятся.

Отобедали гости и стали по своим домам расходиться. Вот и поп поднялся. Пошел старик его провожать, и только вышел на двор, — поп видит, что со стороны никого больше нету, и начал старика допрашивать:

— Послушай, свет, покайся мне, не оставляй на душе ни единого греха: отчего так скоро сумел ты поправиться? Был ты

мужик скудный, а теперь на поди — откуда что взялось! Покайся-ка, свет, чью загубил ты душу, кого обобрал?

— Что ты, батюшка! Истинною правдою признаюсь тебе: я не крал, не грабил, не убивал никого. Клад сам в руки достался.

И рассказал, как все дело было.

Как услышал эти речи поп, даже затрясся от жадности. Воротился домой, ничего не делает — и день и ночь думает:

— Такой лядащий мужичишка и получил этакую силу денег! Как бы теперь ухитриться да отжилить у него котелок с золотом?

Сказал про то попадье. Стали вдвоем совет держать.

— Слушай, матка, ведь у нас есть козел?

— Есть.

— Ну, ладно! Дождемся ночи и обработаем дело, как надо.

Поздно вечером притащил поп в избу козла, зарезал и содрал с него шкуру с рогами и с бородой. Тотчас натянул шкуру на себя и говорит попадье:

— Бери, матка, иглу с ниткою, закрепи кругом шкуру, чтоб не свалилась.

Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою. В самую глухую полночь пошел поп к стариковой избе. Подошел под окно и ну стучать да царапаться.

Старик услышал шум, вскочил и спрашивает:

— Кто там?

— Чорт.

— Наше место свято, — завопил мужик и начал крест творить да молитвы читать.

— Слушай, старик, — говорит поп, — от меня хоть молись, хоть крестись, — не избавишься. Отдай-ка лучше мой котелок с деньгами, нето я с тобой разделаюсь. Ишь, я над твоим горем сжалился, клад тебе показал, думал — немного возьмешь на похороны, а ты все целиком и заграбал...

Глянул старик в окно — торчат козлиные рога с бороною: как есть нечистый.

— Ну его совсем и с деньгами-то, — думает старик. — Наперед того без денег жил и опосля без них проживу!

Достал котелок с золотом, вынес на улицу, бросил на землю, а сам в избу поскорее.

Поп подхватил котелок с деньгами и припустился домой.

— Ну, — говорит, — деньги в наших руках. На, матка, спрячь подальше да бери острый нож, режь нитки да снимай с меня козлиную шкуру, пока никто не видал.

Попадья взяла нож, стала было по шву нитки резать, — как польется кровь, как заорет поп:

— Матка, больно, не режь! Матка, больно, не режь.

Начнет она пороть в ином месте — то же самое. Кругом к телу приросла козлиная шкура.

Уж чего они ни делали, чего ни пробовали, и деньги старику назад отнесли — нет, ничего не помогло. Так и осталась на попе козлиная шкура.



Жили-были мужик да баба, а у них было два сына. Обоим им не приходилось дома жить, один и ходил все по чужой стороне.

Вот раз он пошел на чужую сторону и надел два армяка — черный да желтый — и два башлыка такие же. Идет он путем-дорожкой, попадается ему навстречу барин, едет на паре. И приказал барин кучеру остановить коней. Остановил кучер коней, подозвал барин мужика к себе.

— А, — говорит, — добрый человек! Вижу, ты на чужой стороне бывал.

— Да, точно так, — говорит, — бывал.

— И много народу видал?

— Видал на своем веку порядочно.

— Скажи, пожалуйста, кто лучше: из попов или из судей, или из нашего брата — из бариней?

Он думал, думал и говорит:

— Из попов, так половина дураков.

— Почему же?

— А потому, что как поп поторопится, так и скоро может пропеть, а нет, так и долго поет.

— А из судей?

— Из судей две трети дураков есть.

— Почему же?

— А потому, что судьи, кто их подпоит, так они по тому и судят, а кто не подпоит, так на того будто воду поливают.

— Ну и это хорошо. А из нашего брата, из бариней?

— Из вашего брата две трети дураков да треть безумников.

Барин и говорит кучеру:

— Кучер, погоняй! — и поехал.

Отъехал недалеко, и говорит барин кучеру:

— Что же, кучер, ведь он нас ни во что поставил?

— Да я давно думаю, что он вас ни во что поставил, да не смею сказать.

— Ой, ты, чудака, ты бы давно сказал! Давай поворачивай коней да спросим, почему он нас ни во что поставил?

Заворотили коней и поехали. Увидал этот мужик барина, снял черный армяк и черный башлык, а надел желтый армяк да желтый башлык, подошел к сосне и подпер сосну плечом, а сосна-то наклонилась на озимь.

Подъехал барин и спрашивает:

— Не видал ли мужичка в черном армяке да черном башлыке?

— Да, — говорит, — сейчас прошел мимо такой точно.

— Можем мы его догнать?

— Догнать-то можно, да здесь дорог-то много.

— А не знаешь, какой он дорогой пошел?

— Как не знать, я бы сразу нашел его.

— Так сделай милость, приведи его сюда.

— Мне нельзя уйти-то: сосна-то на озимь упадет.

— Ну, мы с кучером поддержим сосну-то.

— Давай, могу сходить, пешком-то только не догнать, надо лошадь.

— Кучер, отстегни ему лошадь.

Барин держит сосну, а кучер отстегнул лошадь. Мужик сел на лошадь и погнал. Съездил в лесок и едет опять назад.

— Вот что, — говорит, — я там его догнал, посадил на лошадь, он и поехал было, — да не ладно, не угнаться за ним. А ежели мне сидеть, так он за мной нейдет. Давайте другую лошадь, мы на лошадях-то и приедем.

Велел барин выпрячь и другую лошадь. Мужик сел на одну, а другую в повод, да и поехал в то село, из которого был барин. Приехал к барыне и просит пять тысяч денег.

— Барыня, — говорит, — давай скорее пять тысяч, барин купил сто десятин лесу.

А та говорит:

— Давай записку.

— А какая записка? Видишь его коней?

Принесла барыня пять тысяч денег и отдала мужику. А он у нее попросил еще какой-нибудь повозки. Барыня говорит:

— У нас худых повозок нет, так возьми вон стеклянную.

Заложил мужик коней да и говорит:

— Эти две лошади, пожалуй, не выслужат. Давайте еще лошадь.

— Запрягай в корень сивка, — говорит барыня, — недавно еще обучили.

Сел мужик да и поехал домой.

А барин с кучером стояли, стояли, не могут дождаться. Вот и говорит барин кучеру:

— Не обманул ли нас мужик-то?

— А я давно думаю, что обманул, да вам не смею сказать.

Барин закричал:

— Ой, ты, фирюль<sup>1</sup>. Я бы давно оставил сосну-то, так пускай бы у него озимь-то захлестнуло. Давай оставим сосну, отбегай, чтобы не задавило.

Кучер отскочил, а сосна и не думает валиться.

— Что же сосна-то не падает? Давай, — говорит, — толкнем.

Попихали, попихали, не могут спихнуть.

— Давай, — говорит барин, — разбежимся да толкнем, она и слетит.

Как разбегутся, кучер все прибежит вперед барина. И говорит барин кучеру:

<sup>1</sup> Фирюль — ротозей, простофиля.

— Ты отойди подальше, а я поближе, так вместе к сосне и прибежим.

Отошел кучер дальше, а барин ближе. Бегут вместе к сосне. Подбежал кучер к сосне и упал, а барин через него да лбом о сосну. Лоб-то весь и расшиб, кровь пошла. Завязался он и пошел к своей повозке.

И спрашивает барин у кучера:

— Что тяжелее: тарантас везти или хомуты нести?

Кучер говорит:

— Конечно, сами знаете, лошадь идет в тарантасе, так никогда не вспотеет, а под хомутом все мокро. Так как хомут не тяжелее?..

— Так неси, кучер, ты хомуты, а я тарантас повезу. Я тяжелого не могу нести.

Надел кучер на обе руки по хомуту и легонько пошел, а барин так и нагибается, тарантас тащит, так что даже пот со всего полил.

Отстал барин от кучера и закричал:

— Подожди, подожди!

Остановился кучер и ждет барина. Подвез барин тарантас и говорит:

— Клади-ка хомуты в тарантас и повезем вместе.

Кучер положил хомуты в тарантас, да лишь сунул в колеса по стягу<sup>1</sup>, а сам пихал лениво. Барин понатужился — не может с места сдвинуть.

— Нет, — говорит, — возьми ты хомуты, а я опять тарантас повезу.

Кучер выдернул стяги, взял хомуты и пошел вперед.

Доехал барин до своего села, выскочила барыня и говорит:

— Поздравляю вас с новой купчей!

Барин вытаращил глаза и спрашивает:

— С какой купчей?

— Да ведь вы послали мужика, он увез пять тысяч денег на наших конях да стеклянную повозку.

Барин отдышался да захохотал:

— Ну, хоть не одного меня обманул, и барыню обдул этот самый мужик.

---

<sup>1</sup> Стяг — кол, шест.



**Ж**или старик со старухой. Не было у них ни одного детища, только и было, что козел. Старик никакого мастерства не знал, плел лапти — тем и питались. Привык козел к старику: бывало, куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним.

Вот однажды случилось итти старику в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес. Старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям и травку щиплет. Щипал, щипал — да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, начал рыться и вырыл оттуда котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему и увидал золото. Несказанно обрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги — и домой. Рассказал обо всем старухе.

— Ну, старик, — говорит старуха, — это нам бог дал такой клад на старость за то, что сколько лет с тобой трудились в бедности. А теперь поживем в свое удовольствие.

— Нет, старуха, — отвечал ей старик, — эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым. Теперь нам надо жалеть и беречь козла пуще себя!

С тех пор начали они жалеть и беречь козла пуще себя, начали за ним ухаживать, да и сами-то поправились — лучше быть нельзя. Старик позабыл, как и лапти-то плетут. Живут себе — поживают, никакого горя не знают. Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухой, что делать.

— Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед богом и перед людьми грешно, потому что все счастье наше мы через козла получили. А лучше пойду я к попу и попрошу похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят.

Собрался старик, пришел к попу и кланяется:

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что скажешь?

— А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому случилось большое несчастье: козел помер. Пришел звать тебя на похороны.

Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе.

— Ах ты, окаянный! Что выдумал: вонючего козла хоронить!

— Так ведь этот козел, батюшка, был совсем-таки православный. Он отказал тебе двести рублей.

— Послушай, — сказал поп, — я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине: может он у тебя давно уже помер.

Взял поп с мужика двести рублей и говорит:

— Ну, ступай же скорее к отцу дьякону, скажи, чтобы готовлялся: сейчас пойдем козла хоронить.

Приходит старик к дьякону и просит:

— Потрудись, отец дьякон, приходи ко мне в дом на вынос.

— А кто у тебя помер?

— Да вы знавали моего козла, — он-то и помер!

Как начал дьякон хлестать его с уха на ухо!

— Не бей меня, отец дьякон! — говорит старик. — Ведь козел-то был, почитай, совсем православный: как умирал, тебе сто рублей отказал за погребение.

— Эка ты стар и глуп! — сказал дьякон. — Что ж ты давно не известил меня о его православной кончине? Ступай скорее к дьячку: пусть позвонит по козловой душе!

Прибегает старик к дьячку и просит:

— Ступай, позвони по козловой душе.

И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать.

Старик кричит:

— Отпусти, пожалуй, ведь козел-то был православный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал.

— Что ж ты до сих пор копаешься! Надобно было пораньше сказать мне: следовало бы давно уж прозвонить!

Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола.

Пришли к старику поп и дьякон и начали похороны отправлять.

Положили козла в гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу. Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея<sup>1</sup>, что-де поп козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом:

— Как вы смели похоронить козла? Ах, вы безбожники!

— Да ведь этот козел, — говорит старик, — совсем был не такой, как другие козлы: он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей.

— Эка ты глупый старик! Я не за то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!..<sup>2</sup>

Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.



Узнал Тришка-Сибиряк: в Смоленской губернии живет барин; у этого барина его мужикам житья не было; всех в разор разорил!

„Надо, — думает, — проучить хорошего барина; без науки тому барину жить — век дураком слыть; стало, надо его на ум навести, чтобы ему на тот народ не стыдно свои очи выставить!..“

Посылает ему Тришка письмо, а в письме было написано:

„Ты, барин, и имеешь душу, да анафемскую<sup>3</sup>, а я, Тришка, пришел к тебе повернуть тебе душу на путь, на истину. Ты своих мужиков в разор разорил, а я думаю теперь, как тех мужиков поправить. Думал я, думал и вот что я выдумал: ты виноват,

<sup>1</sup> Архиерей — высший церковный чин.

<sup>2</sup> Соборовать — совершать над смертельно больным человеком церковный обряд.

<sup>3</sup> Анафема — церковное проклятие. Анафемскую душу — значит, подлую, низкую душу.

ты и в ответе будь. Ты обижал мужиков, ты их и вознагради; потому прошу тебя честно: выдай мужикам на каждый двор по пятидесяти рублей; честью прошу, не введи ты меня, барин, во грех, — рассчитайся по-божьи“.

Получил барин то письмо, — не то что смириться, а выше в гору пошел: больше озлился, стал мужиков перебирать, стал допрашивать, кто подметное письмо прислал. А мужики про то дело и не ведали... Так тому письму барин не внял, веры письму не дал.

Проходит сколько-то времени, барин получил еще письмо от Тришки:

„Ты моим словам не поверил; я не люблю этого; только вот что я скажу тебе: не в моем обычае за первую вину казнить; а по-моему за первую вину только научить надо. Вот тебе какая наука: не хотел ты дать мужикам по пятидесяти рублей, дай по ста — это тебе наука. Только мужиков трогать не моги, — с живого кожу сниму; мужики в том не виноваты. Жду три дня“.

Прошло три дня, — барин никому ни слова: денег жаль и за мужиков приниматься боится, со шкурой своей барской расставаться не хочет; хоть и недорого своя шкура обошлась, только эту снимут, другой не скоро и наживешь. Значит, надо беречь ее...

Пока барин раздумывал, Тришка написал еще письмо:

„Просил я тебя, барин, честью мужикам помочь тысячью, — ты не помог; просил тебя помочь двумя, — ты мои слова ни во что поставил. Теперь жди меня, Тришку, к себе в гости. А как тебе, барину, надо сготовиться, как бы лучше гостя принять, даю тебе сроку две недели, — сготовься. Только пироги, что в Туле печены, по-нашему ружьями зовут, — не надо, не готовь — я до них не охотник“.

Получил барин это письмо, стал снаряжаться, как бы гостя непрошенного принять так, чтобы самому не остаться не при чем. Всех своих мужиков, всю дворню собрал, роздал всем ружья; послал в город сказать: гостя, мол, жду.

К приему гостя было сготовлено все как следует. С самого раннего утра все были на ногах. На барском дворе толкотня страшная, все с ружьями, просто ко двору приступа нет!.. Перед ранним обедом пришли солдаты с офицером.

— Зачем пожаловали? — спрашивает барин у офицера.

— Так и так, — говорит офицер, — наслышаны мы, что к вам нынче обещался приехать вор Тришка-Сибиряк. Вот из города меня с моей командой и прислали к вам на подмогу.

— Очень благодарен, — говорит барин, — хоть я и не боюсь Тришки, а все-таки народу больше — лучше. Милости просим с дорожки закусить, чем бог послал. Пойдемте ко мне в дом, а солдатуски ваши пусть здесь останутся, я им велю сюда вынести водки, закусить...

Пошел барин с офицером в дом, приказал подать сейчас закуску.

Закусили, стали толковать о том, о сем, барин и повеселел...

Выпили еще. Офицер еще приободрился: так и сыплет про войну, где он воевал, когда, как... да на речах-то вышел такой легкий...

— Уж как я вам благодарен, — говорит барин, — как вам благодарен, и сказать нельзя! С вами и не только Тришки, а просто никого не боюсь. Что мне Тришки бояться, скажите мне?..

— Разумеется, — говорит офицер, — чего бояться Тришки!

Сказал это офицер, посмотрел кругом; видит — в комнате только они вдвоем с барином сидят, а больше никого нет.

— Коли вы, барин, — говорит офицер, — не боитесь Тришки, мне и подавно его бояться нечего!..

— Отчего ж так? — спросил барин.

— Оттого так, барин, что я тот самый и есть Тришка-Сибиряк. Мне самому себя бояться не приходится.

Барин так и обомлел от великой робости.

— Слушай, — сказал Тришка, а сам из кармана пистолет вынул, — слушай, просил я у тебя, барин, тысячу, не для себя просил, а просил для твоих мужиков, — ты не дал. Просил две тысячи, — ты и тут не восчувствовал! Теперь ты давай мне двадцать тысяч: две тысячи я отдам твоим мужикам, а остальные, что там останется, на свою братию возьму. Надо что-нибудь и нам с вашей милости получить. За такую науку как не взять!..

Барин стоит, только глазами хлопает: никак того дела в толк не возьмет...



ИРКУТСКАЯ  
ОБЛАСТНАЯ  
Библиотека  
Красноярск

— Полно, барин, глазами-то хлопать, рассчитаемся честно, да и бог с тобой и со всем. Мне некогда, пора домой.

— У меня деньги, — говорит барин, как опомнился, — в другой комнате; ты здесь погоди, я тебе все сполна принесу.

— Ох, барин! Молодец, барин: подрастешь — плут будешь!

— Да я, право... да я... — забормотал барин.

— Ничего, барин, сочтемся! Ты ступай спереди, а я хоть и сзади. Только знай: пальцем кивнешь, — в затылок пулю пушу. Ты делай свое дело, а я свое сделаю.

Барин пошел передом, а позади Тришка-Сибиряк.

Вышли в двери, а в другой комнате народу-то, народу! Да все с ружьями!

Перешли еще в другую комнату — там никого нет.

Отсчитал барин денежки, ровно двадцать тысяч, отсчитал, отдал Тришке, остальное запер опять под замок.

— Видишь, я не в тебя, я слово держу: обещал быть у тебя в гостях, — был; дал слово взять двадцать тысяч, — взял двадцать тысяч, больше не беру; а хоть видишь сам, и все бы отнял, нечего делать, все своими руками бы отдал. Теперь проводи ты меня хоть за версту от деревни, а там и простимся.

Барин проводил сам самолично Тришку с товарищами за ворота, а там еще версты полторы, да и раскланялся.

— Смотри ж, — на прощанье наказывает Тришка барину, — смотри ж, мужиков не обижать! Обидишь мужиков, бог тебя обидит, а то, может, и я, грешный, к тебе тогда в гости побываю!

С тех пор барин шелковый сделался! Что значит хорошая наука...

Много значит!

И не раз он учил их братию! Едет как-то мужичонка с возом, а на возу было наложено, что на хорошей лошади не свезти; у мужичонки была лошаденка плохонькая, а еще и поклажа-то барская, с которой стороны ни поверни, все тяжело! Едет мужик с возом, горе мычет, а навстречу ему шестериком катит сам барин. Поравнялся барин с мужиком.

— Стой, — кричит барин, — стой, что ты тихо едешь? Отчего у тебя лошадь не везет?

Не успел барин раскричаться, как из-за куста вырос какой-то мужик, снял шапку, низехонько поклонился барину да и говорит:

— Пожалуйста, барин, ваше благородие, окажи такую милость: подари ты этому мужику левую пристяжную...

— Как ты смеешь, мужик, мне это говорить? Дурак! — закричал барин.

— Уж сделай милость, — пристаёт мужик, — подари мужику левую пристяжную!..

— Как ты смеешь мне это говорить? Да знаешь, что я с тобой сделаю! Да кто ты такой?..

— А осмелюсь вашей милости доложить: я человек небольшой, а прозываюсь Тришка-Сибиряк.

Как услышал барин, что перед ним стоит Тришка-Сибиряк, куда и прыть вся делась!..

— А, — говорит, — здравствуй, Триша! Возьми лошадь, какую хочешь. Пусть доедет до дому, я и пятериком доеду, лошади ничего не сделается. После только пусть приведет.

— Нет уж, барин хороший, подари, пожалуйста, мужичку совсем лошадку, а ты прикупишь еще... а то и пятериком проездишь, — и пятериком тебе, чай, можно. На своих лошадях ты ездешь недалеко, а подальше, чай, на сотских!<sup>1</sup>

— Изволь, Триша, изволь! Я для тебя, Триша, и совсем могу сделать, могу и подарить!

— Только уж не изволь, барин хороший, лошадки отнимать у мужика. Не для себя прошу, прошу для твоего же здоровья: ты знаешь, может, мой обычай. Не введи меня во грех.

— Изволь, изволь!

Припряг мужик к возу левую пристяжную и благополучно до дому доехал, да еще и после на той лошади сколько ездил...

Никого Тришка-Сибиряк не обижал крепко, разве какого барина, лихого до крестьян, что раз поучит. Не послушает, — другой раз поучит: в толк не возьмет, так такому лихому под коленками жилки подрежет, — „чтоб не очень, говорит, прытко бегал!“ Вот только и всего!

---

<sup>1</sup> То есть казенных.



Жил-был мужик, у него было три сына. Пошел старший сын в батраки наниматься. Пришел в город и нанялся к купцу, а тот купец был скуп и суров! Только одну речь и держал: „Как запоеет петух, так и вставай, батрак, да принимайся за работу“.

Трудно, тяжело показалось парню, прожил он с неделю и воротился домой. Пошел средний сын, прожил у купца с неделю, не выдержал и взял расчет.

— Батюшка, — говорит меньшей сын, — позволь я пойду в батраки к купцу.

— Куда тебе, дураку! Знал бы сидел на печи! Получше тебя ходили, да ни с чем воротились.

— Ну, как хочешь, а я пойду!

Сказал — и пошел к купцу.

— Здравствуй, купец!

— Здравствуй, молодец! Что хорошего скажешь?

— Найми меня в батраки.

— Изволь. Только у меня, брат, как петух запоеет, — так и ступай на работу, на весь день.

— Известное дело: нанялся, что продался!..

— А что возьмешь?

— Да что с тебя взять: год проживу — тебе щелчок да купчихе щипок. Больше ничего не надо.

— Ладно, молодец! — отвечает хозяин, а сам думает: „Экая благодать! Вот когда дешево нанял, так дешево!“

Вечером батрак изловчился, поймал петуха, завернул ему голову под крыло и завалился спать. Уж полночь давно прошла, дело к утру идет — пора бы батрака будить, да петух не поет! Поднялось солнышко на небе — батрак и сам проснулся.

— Ну, хозяин, давай завтракать, время работать итти.

Позавтракал и проработал день до вечера. В сумерки опять

изловил петуха, завернул ему голову под крыло и завалился спать до утра. На третью ночь опять то же. Удивился купец, что за притча такая с петухом: совсем перестал горло драть!

„Пойду-ка я, — думает, — на деревню, поищу нового петуха“.

Пошел купец петуха искать и батрака взял с собою.

Вот идут они дорогою, а навстречу им четверо мужиков быка ведут, бык большой да злющий. Еле-еле на веревках удержат!

— Куда, братцы? — спрашивает батрак.

— Да быка на бойню ведем.

— Эх, вы! Четверо быка ведете, а тут и одному делать нечего!

Подошел к быку, дал ему в лоб щелчок — и убил до смерти.

После ухватил щипком за шкуру — вся шкура долой!

Купец, как увидал, каковы у батрака щелчки да щипки, сильно пригорюнился, совсем забыл о петухе, — вернулся домой и стал с купчихой совет держать, как им беде-горю помочь.

— А вот что, — говорит купчиха, — пошлем-ка мы батрака поздно вечером в лес, скажем, что корова со стада не пришла, пускай его лютые звери съедят!

Дождались вечера, поужинали, вышла купчиха на двор, постояла у крылечка, входит в избу и говорит батраку:

— Что ж ты коров в сарай не загнал, ведь одной-то, безрогой, нету!

— Да, кажется, они все были...

— То-то не все! Ступай в лес да поищи хорошенько.

Батрак оделся, взял дубинку и побрел в дремучий лес. Сколько ни ходил по лесу, — не видать ни одной коровы. Стал присматриваться да приглядываться: лежит медведь в берлоге, а батрак думает, что это корова.

„Эх-ма, куда затесалась, проклятая! А я тебя всю ночь ищу“.

И давай охаживать медведя дубинкою. Зверь бросился наутек, а батрак ухватил его за шею, приволок домой и кричит:

— Отворяй ворота, принимай живота!

Пустил медведя в сарай и запер вместе с коровами. Медведь сейчас же принялся коров душить да ломать. За ночь всех до одной так и передушил.

Наутро говорит батрак купцу с купчихою:

— Ведь корову-то я нашел.

— Пойдем, жена, посмотрим, какую корову нашел он в лесу.

Пошли в сарай, отворили дверь, глядь — коровы задушены, а в углу медведь сидит.

— Что ты, дурак, наделал? Зачем медведя в сарай притащил, он всех коров у нас передушил!

— Ну, — говорит батрак, — не миновать ему за то смерти! Кинулся в сарай, дал медведю щелчок, — из него и дух вон! „Плохо дело, — думает купец, — лютые звери ему нипочем... Разве один чорт с ним сладит“.

— Поезжай, — говорит батраку, — на чортову мельницу да сослужи мне службу великую: собери с нечистых деньги. В долг у меня забрали, а отдавать не отдают!

— Изволь, — отвечает батрак, — почему не сослужить такой безделицы?

Запряг лошадь в телегу и поехал на чортову мельницу. Приехал, сел на плотине и стал веревку вить. Вдруг выпрыгнул из воды бес:

— Батрак, что ты делаешь?

— Чай, сам видишь: веревку вью.

— На что тебе веревка?

— Хочу вас, чертей, таскать да на солнышке сушить, а то вы, окаянные, совсем перемокли!

— Что ты, что ты, батрак! Мы тебе ничего худого не сделали.

— А зачем моему хозяину долгов не платите? Занимать-то умели!..

— Постой немножко, я пойду — спрошу старшего, — сказал чорт и нырнул в воду.

Батрак сейчас за лопату, вырыл глубокую яму, прикрыл ее сверху хворостом, посередке свой картуз положил, а в картузе-то дыру прорезал. Чорт выскочил и говорит батраку:

— Старший спрашивает: как же будешь ты чертей таскать, ведь наши омуты бездонные?

— Велика важность! У меня на то есть веревка такая: сколько хочешь меряй, все конца не доберешься.

— Ну-ка, покажи!

Батрак связал оба конца своей веревки и подал чорту. Уж тот мерял-мерял, мерял-мерял, все конца нету.

— А много ли долгов платить?

— Да вот насыпь этот картуз серебром, как раз будет...

Чорт нырнул в воду, рассказал про все старшему. Жаль стало старшему с деньгами расставаться, а делать нечего, пришлось раскошелиться. Насыпал батрак полный воз серебра и привез купцу.

„Вот она беда-то, и чорт его не берет!“

Стал купец с купчихою уговариваться бежать из дому. Купчиха напекла пирогов да хлебов, наложила два мешка и легла отдохнуть, чтобы к ночи с силами собраться да от батрака уйти.

А батрак вывалил из мешка пироги и хлебы, да вместо того в один положил жернова, а в другой сам залез. Сидит, не ворохнется и дух притаил!.. Ночью разбудил купец купчиху, взвалили они себе по мешку на плечи и побежали со двора.

А батрак из мешка подает голос:

— Эй, хозяин с хозяйкой, погодите, меня с собой возьмите.

— Узнал, проклятый, гонится за нами! — говорит купец купчихе, и побежали еще шибче.

Очень утомились. Увидал купец озеро, остановился, сбросил мешок с плеч.

— Отдохнем, — говорит, — хоть немножко!

А батрак отзывается:

— Тише бросай, хозяин, все бока переломашь.

— Ах, батрак, да ты здесь?

— Здесь!

Ну, хорошо, решили заночевать на берегу, и легли все рядышком.

— Смотри, жена, — говорит купец, — как только заснет батрак, мы его бросим в воду.

Батрак не спит, ворочается, с боку на бок переваливается.

Купец да купчиха ждали-ждали и уснули. Батрак тотчас снял с себя тулуп да шапку, надел на купчиху, а сам нарядился в ее шубейку и будит хозяина:

— Вставай, бросим батрака в озеро!

Купец встал, подхватили они вдвоем сонную купчиху и кинули в воду.

— Что ты, хозяин, сделал? — закричал батрак. — За что утопил купчиху?

Делать нечего купцу, воротился домой с батраком, — а батрак прослужил у него целый год, дал ему щелчок в лоб — только и жил купец! Батрак взял себе его именье и стал себе жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.



# КАК СОЛДАТ В РАЮ И В АДУ ПОБЫВАЛ



Когда-то давно жил-был один солдат. Прослужил он двадцать пять лет, и на двадцать шестой год отпустили его домой. Вот отправился солдат домой проведать своих родителей. Шел-шел и попросился в одну избу переночевать:

— Пусти, хозяин, служилого человека переспать!

— Спать милости просим, а кормить-поить у нас и для ребят ни крошки хлеба нету!

Вынул солдат из сумки остатки своего хлеба и говорит:

— Ешьте, кому сколько хватит.

На другой день служивый отправился дальше. И повстречался с нищей.

— Помоги, служивый, — говорит она солдату, — нищей старушке, дай мне, меня жалеючи, кусочек хлеба.

Солдат пощупал углы своего мешка, не нашел ни одной крошки. Поискал в карманах, нашел пять копеек. Отдал эти деньги старухе. Старушка за это отдала ему свою нищую суму и говорит:

— Возьми, служивый, за свою милостыню эту суму. С этой сумой и с голоду не умрешь и нигде не пропадешь.

Взял солдат суму нищей и отправился дальше. Шел-шел, захотел поест. На ночевке отдал последний хлеб, последние деньги отдал нищей старухе, табаку и того на закурку нет.

Сел солдат у дороги, почесал затылок и тут вспомнил про старухину суму.

— А хорошо бы, — говорит, — если бы в этой суме были кусок хлеба, бутылка вина и кошель полный табаку, — и хлопает рукой по суме.

А из сумы молодец выскакивает:

— Чем могу служить тебе, новый хозяин?

Солдат обрадовался, говорит:

— Пусть сейчас будут тут стол и стул, и чтобы на столе было

полно самых вкусных кушаний и напитков да курева хорошего.

И тотчас перед солдатом оказался стол, на столе в чашках еда и кисет с табаком. Досыта наелся солдат, напился, до угара накурился и опять ударил по суме:

— Ну, пока сыт и пьян. Можешь обратно все убирать!

Ни еды, ни напитков на столе не стало. И молодец прыгнул назад в суму солдата, словно его и не бывало.

Шел-шел солдат, пришел в город.

Прослышал он, что есть-де у царя очень красивая дочь, Елена Прекрасная, и говорит себе: дай схожу к царю посмотреть на Елену Прекрасную, не выйдет ли она за меня замуж? Подходит к царскому дворцу, а часовые его не пускают, толкают вза-шей. Ударил солдат по сумке, — из сумки молодец выскакивает:

— Какую службу прикажешь служить, новый хозяин?

Солдат ему приказывает:

— Вот эти болваны меня к царю не пускают. Дай каждому по голове.

Ударил молодец каждого часового по разу, часовые, как мешки с сеном, полетели в разные стороны. Вошел солдат к царю. Спрашивает царь:

— По какому делу, служивый, пришел ко мне?

— Я пришел, — отвечает солдат, — дочь твою сватать. В гости к тебе пришел.

Царь и говорит:

— Три дня гости у меня. Если понравятся мои угощения, — тогда годишься в зятя...

Приказал царь посадить солдата в тюрьму, а вместо угощения поставить кадку с водой и тем угощать его. Сидит день солдат в тюрьме, сидит другой и ничуть не горюет. Ударит по суме, — и на столе полным-полно: дымятся кушанья, стоят напитки и сколько хочешь табаку, а больше служивому человеку ничего и не нужно. Послал царь своих слуг к солдату спросить, — доволен ли он царским угощением?

Солдат отвечает слугам:

— Очень доволен. Пусть царь-батюшка сам придет со мной вместе пообедать да выпить рюмку водки.

Пришел царь в тюрьму к солдату. Ударил солдат по суме и говорит:

— Ну, молодец, чтобы был здесь полон стол всяких самых вкусных кушаний и напитков и разнообразных закусок.

Выскочил из сумки молодец и все, что требовалось, приготовил.

Угощается царь у солдата, удивляется: никогда в жизни ничего вкуснее не едал!

Пообедав, украл царь со стола золотую ложку и спрятал к себе в карман. Сосчитали после еды ложки — нехватает одной. Солдат и спрашивает:

— Не украл ли ты, царь, у меня ложку?

— Нет, — отвечает царь, — не украл.

Ударил солдат по суме и говорит:

— Тому, кто у меня украл золотую ложку, — две пощечины! Ну, молодец, ищи украденную ложку.

Выскочил молодец из солдатской сумы и достал пропавшую ложку из кармана царя. Ударил царя по щеке — покатился царь в одну сторону, ударил по другой — в другую сторону покатился царь. Чуть жив остался.

И говорит царь солдату:

— Отдам за тебя дочь, если проспишь одну ночь в моем новом доме и прогонишь оттуда гостей.

— Почему и не поспать в новом доме! — отвечает солдат.

Пошел солдат спать в новый дом. На ночь его кругом заперли. Только начало темнеть, — готовится солдат спать ложиться. Вдруг откуда-то набралось чертей столько, сколько мошек бывает. И говорят черти солдату:

— Зачем ты, служивый человек, сюда, в наш дом, пришел? Мы тебя сейчас убьем!

А солдат в ответ:

— Табак ваш без смаку станет — убить меня!

Ударил по суме:

— Дай, молодец, поужинать, подзакусить.

Выскочил из сумы молодец, и полон стал перед ним стол кушаний и напитков. Солдат водку пьет, а черти с завистью поглядывают на его еду и питье. И говорят:

— Не продашь ли эту суму нам?

— Сума эта, — отвечает солдат, — не продажная, а заветная. Если в эту суму все вы, черти, сможете разом влезть, — без всякой платы ее отдам.

Тут черти начали уменьшаться, уменьшаться, совсем как мошки стали, — все в суму влезли. Солдат покрепче перевязал свою суму, взял гирю в полпуда и начал колотить ею по суме, набитой чертями. Бил-бил, закричали черти из сумы:

— Пусти нас, служивый! Никогда наперед не будем сердиться на то, как ты пьешь!

А солдат еще крепче бьет гирей по суме, набитой чертями, а сам приговаривает:

— Будете или нет попадаться мне еще когда-нибудь? Будете или нет пакостничать?

Взял суму и вытряхнул чертей за окно. Вскочили черти и без памяти разбежались, кто куда мог, и больше никогда не показывались в этом доме.

А царь уж думал, что он освободился от незваного зятя, что черти задушили его в новом доме.

На другой день пришел солдат к царю, говорит:

— Моя служба кончилась. Теперь волей-неволей придется отдать Елену Прекрасную за меня замуж.

Не хотелось царю отдавать свою дочь за солдата, но больше отказывать он не посмел. А солдат тут вдруг сам не захотел жениться на его дочери: я-де сначала схожу своих стариков-родителей проведая, потом года три погуляю, и если тогда захочется жениться, — приду свататься к Елене Прекрасной.

Взял свою суму и отправился домой.

Шел-шел, а навстречу ему — очень безобразная старуха. В одной руке у старухи клещи, в другой — большая коса. Безобразная старуха загородила солдату дорогу, говорит:

— Ну, служивый, попался ты мне сейчас, долго я тебя искала — нигде найти не могла. Я — твоя смерть!

Рассердился солдат, схватился за свою саблю, но смерть раньше успела взмахнуть косой. И пришел солдат на тот свет, в рай, но его туда не пускают: в раю-де нет места солдату.

— А нет, так и не надо, — говорит солдат, — я и в ад пойду! Если еда есть, да табаку вволю, — мне больше ничего не надо, мне и в аду будет отлично.

Спустился солдат в ад. Черти его схватили и к своему жаркому огню потащили. Солдат как встал по-солдатски да крикнул на чертей громким голосом:

— Ах, вы, босые ноги, тонкие бока! Забыли, как я вас в царском доме полупудовой гирей грел?

Услышали эти слова черти — разбежались, как овцы, к наибольшему чорту побежали с жалобой:

— Ой, дедушка, старший чорт, сердитый тот солдат к нам в ад пришел, весь ад грозитя разломать.

Испугался старший чорт, спрятался в дальний угол ада, кричит оттуда солдату:

— Иди, служивый, из нашего жилья! Что хочешь бери, а нас не трогай.

— А что я из вас буду делать? Из вашей кожи сапог не сошьешь!

Пока не надоело, гулял солдат по аду, чертей пугал, командовал над ними и отправился, наконец, назад в рай.

Бог ему и говорит:

— Пойди попроси у архангела Михаила ружье и становись, служивый, райские ворота охранять. Петр и Павел у меня состарились, не могут больше сторожить.

Дали солдату винтовку и поставили охранять райские ворота. Вот стоит солдат с винтовкой, караулит. Видит — смерть поднимается в рай. Солдат тряхнул ее за рукав, говорит:

— Как ты, куча костей, смеешь в рай входить? Кто тебя звал?

Смерть в ответ:

— Я к богу с докладом иду! Надо у него спросить, какого возраста людей в этом году велит он мне убивать.

— Бог, — отвечает солдат, — без моего доклада никого не велел к себе пускать. Возьми у меня винтовку, покарауль райские ворота, чтобы никто сюда не вошел, пока я схожу к богу. А я схожу и за тебя сам спрошу.

Бог через солдата велел передать смерти: в этом году надо убивать самых старых дедушек и бабушек. Солдат и думает про себя: „А мои-то родители очень уж стары. Если так передам, — смерть сейчас же моих стариков-родителей зарежет. Так мне их и не придется повидать“. Изменил солдат божье повеление и передал смерти так: в этом-де году бог велит убивать не по возрасту, а по чину. Иди на землю и убей всех генералов и полковников.

Стоял-стоял солдат у райских ворот, прошел год. Смотрит — тащатся в рай генералы с эполетами да полковники со светлыми пуговицами, а за ними, своими сухими костями постукивая, смерть бредет. Издалека машет смерть [солдату руками и кричит:

— Открывай, служивый, райские ворота! Генералы и полковники идут!

А солдат смерти кулак под самый нос сует и говорит:

— Кто тебе велел генералов и полковников в рай тащить? Сейчас же гони всех в ад! Таков приказ бога.

Повела смерть генералов в ад, отвела и опять к райским воротам возвращается — спросить, кого в будущем году бог убивать велит. Солдату не понравилось божье повеление: велел бог убивать всех мужчин средних лет. Подумал солдат — по этому приказу смерть убьет его братьев, и ему никогда не повидать их. Изменил солдат божье повеление и так передал его смерти: в этом-де году бог повелел убивать не по возрасту, а по званию. Иди ты на землю и убей там всех попов.

Стоял солдат у райских ворот, — так и второй год прошел. Видит — попы оравой тащатся в рай, а за ними, постукивая сухими костями, смерть бредет. Издали смерть машет руками, солдату кричит:

— Открывай, служивый, райские ворота! Попы в рай идут!

А солдат смерти под самый нос кулак сует, отвечает:

— Кто тебе велел этих длинноволосых чертей в рай тащить? И так уж здесь много длинноволосых! Гони их всех в ад! Таков приказ бога.

Погнала смерть попов в ад, опять к райским воротам вернулась.

— Спроси, служивый, у бога, какого возраста в этом году людей убивать?

В этом году, — отвечает ей солдат, — бог повелел убить двадцать пять царей, пятьдесят архиереев, всех купцов и всех судей.

Стоял-стоял солдат у райских ворот, — и третий год так прошел. Идет опять смерть, ведет за собой царей, архиереев, купцов, судей, издали машет руками, кричит:

— Открывай, служивый, райские ворота, — праведники идут! Солдат опять смерти под самый нос кулак сует:

— Вот я тебе дам, куча костей! Нашла праведников! Кто велел тебе сюда их вести? Гони их сейчас же в ад! Таков божий приказ!

Погнала смерть их всех в ад, опять к райским воротам вернулась. Просит солдата сходить к богу, спросить, кого в этом году убивать? А солдат рассердился и говорит:

— Надоела ты мне, я тебе не слуга и не батрак! Если хочешь, — иди сама и спрашивай.

Узнал бог из рассказа смерти о всех проделках солдата, велел поймать его и привести к себе.

— Что ты наделал, служивый? Генералов ты велел смерти поубивать?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— Попов ты велел смерти поубивать?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— Царей и архиереев ты велел смерти поубивать?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

Рассердился бог, говорит солдату:

— Выгоню я тебя, служивый, из рая за такую работу. Отнял ты у смерти кусок хлеба, нечего ей стало делать, и должен ты будешь на своем коште<sup>1</sup> содержать смерть.

Вот отправился солдат из рая на землю обратно, а смерть за ним, как тень, гонится: куда солдат — туда и смерть. Садится солдат есть — и смерть с ним, одна за пять человек съедает. Садится солдат водку пить — и смерть с ним, за пять человек пьет. Садится солдат курить — и, пока выкуривает одну цыгарку, смерть пять цыгарок успеваает выкурить.

Рассердился солдат на смерть:

— Долго ли ты будешь на моем коште обедаться? Не стану же я тебя три года кормить-поить.

Шли-шли они, подошли к кабаку. Смерть и говорит солдату:

— Давай, служивый, в кабак зайдём, выпьем немножко.

А солдат думает про себя:

— Ну, и проучу я тебя немножко!

Наложил полсумы камней, говорит смерти:

— Куда же с тобой в кабак заходить! Тебя, куча костей,

---

<sup>1</sup> Т. е. содержать на свой счет, на своих харчах.

увидят, — все люди испугаются. Будет лучше, если ты в мою суму заберешься, а я буду тебе туда водку подавать.

Так и сделала. Влезла смерть в солдатскую суму, говорит оттуда:

— Ой! Здесь на камнях жестко мне лежать! Камни все бока искололи! Выкинь из сумы камни!

— Сиди, — отвечает солдат, — мучайся!

Перевязал солдат суму покрепче и начал трясти: ать-два! ать-два! У смерти только кости трещат между камнями.

Потом зашел солдат к кабатчику, выпил немного и говорит:

— Вот, кабатчик, в моем мешке смерть сидит. Если я ее выпущу из мешка на волю, она сразу тебя убьет. Что дашь, чтоб я на волю смерть не выпустил?

Испугался кабатчик:

— Что хочешь, то и бери, только не выпускай!

Простил солдат кабатчика, привязал к двери кабака мешок со смертью и говорит:

— Я схожу, проведу стариков-родителей. Покуда не вернусь, — не смей трогать мешка со смертью. Пусть здесь на двери болтается.

Осталась смерть висеть на двери кабака в мешке, набитом камнями. И каждый раз, когда открывали и закрывали дверь, трещали ее кости на камнях.

Пришел солдат домой, а его старики-родители еще живы. Очень им любо стало, что еще живыми глазами пришлось увидеть своего сына. Прогостил солдат дома год и пошел к кабатчику проведать смерть. Выпустил ее из сумы, набитой камнями, и говорит:

— Ну, смерть, какво погостилось у кабатчика?

А смерть чуть жива осталась. И опять принялась, как тень, за солдатом ходить. Думает солдат: „Чем бы мне тебя опять потешить?“ Купил табакерку, набил ее до краев нюхательным табаком и принялся нюхать. Понюхал раз — чихнул, второй раз — опять чихнул, а смерть и говорит ему:

— Дай, служивый, и я понюхаю табаку.

У смерти уж такая привычка была: что солдат делает, то и смерть за ним.

— Понюшки табаку, — отвечает солдат, — для тебя, смерть,

маловато будет. Лучше будет, если ты сядешь в табакерку, — тогда хоть целый день, не переставая, нюхай.

Села смерть в табакерку, взял ее солдат, плотно закрыл и положил к себе в карман. Слышит, как смерть там чихает, и громко смеется.

Целый год держал солдат смерть в табакерке, потом выпустил и спрашивает:

— Ну, каково, смерть, в табакерке жить?

А смерть еле жива осталась.

И опять ходит за солдатом, как тень, солдатским коштом кормится.

Сядет солдат есть, — смерть рядом садится, в пять раз больше его съедает. Вот солдат сделал большой ящик и говорит смерти:

— Залезай, смерть, в ящик и внутри выстругай его стенки.

Залезла смерть в ящик, а солдат прикрыл скорее крышку и запер смерть на замок. Отнес на кладбище, выкопал там яму, положил в нее ящик со смертью и землей засыпал. Вот-де тебе, куча костей, — мучайся! Отлеживайся в земле!

Год прошел, другой год прошел, а о смерти и не слышать. Никто не умирает.

Послал бог ангелов своих искать смерть, — куда подевалась? Искали-искали, искали-искали, нигде не могли найти. Пришли, наконец, к солдату, спрашивают:

— Куда, служивый, ты смерть спрятал?

— Я, — отвечает солдат, — на кладбище ее отнес и похоронил. Ищите сами!

Искали-искали ангелы, все кладбище перерыли, нашли, наконец, ящик со смертью.

Пришла смерть к богу, говорит:

— Еле жива осталась, на солдатском коште кормившись!

— Солдатская хлеб-соль, — говорит бог, — не очень сытна! Иди обратно на мирской кошт кормиться.

И послал бог смерть обратно кормиться на мирском коште. Стала опять смерть попрежнему морить людей, но к солдату и приблизиться не смеет, не то, что тронуть его. И жил еще солдат на земле сто лет, а может быть и двести. Жил до тех пор, пока самому не надоело.

# ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ



Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий — дурачок Емеля.

Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

— Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

— Неохота...

— Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

— Ну, ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял ведра да топор и пошел на речку.

Прорубил лед, зачерпнул ведра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку:

— Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человеческим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеется:

— На что ты мне годишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

— Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь.

— Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

— Емеля, Емеля, скажи — чего ты сейчас хочешь?

— Хочу, чтобы ведра сами пошли домой и вода бы не расплескалась.

Щука ему говорит:

— Запомни мои слова: когда что тебе захочется, — скажи только: „По щучьему веленью, по моему хотенью“.

Емеля и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ступайте, ведра, сами домой...

Только сказал — ведра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошел за ведрами.

Идут ведра по деревне, народ дивится, а Емеля идет сзади, посмеивается... Зашли ведра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему:

— Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дров нарубил.

— Неохота...

— Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — поди, топор, наколи дров, а дрова сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки — и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло — невестки опять говорят:

— Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?

— Как — мы на что?... Разве наше дело в лес за дровами ездить?

— Мне неохота...

— Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел на двор и сел в сани:

— Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.



Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: „Держи его! Лови его!“ А он, знай, сани погоняет. Приехал в лес:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие дерева, а дровишки сами в сани валятся и веревкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли — услышал царь об емелиных проделках и посылает за ним офицера — его найти и привести во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живет, и спрашивает:

— Ты — дурак Емеля?

А он с печи:

— А тебе на что?

— Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

— А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке. А Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить офицера, насилу он ноги унес...

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого на́большего вельможу:<sup>1</sup>

— Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил на́больший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошел в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

— Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан<sup>2</sup> посулят, — тогда он все сделает, что ни попросишь.

На́больший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

— Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

— Мне и тут тепло...

— Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить — пожалуйста, поедем.

— А мне неохота...

— Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

— Ну, ладно, ступай ты вперед, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал еще и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю...

Царь глядит в окно, дивится:

— Это что за чудо?

На́больший вельможа ему отвечает:

— А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

— Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

— А зачем они под сани лезли?

<sup>1</sup> Вельможа — важный и знатный человек, имеющий какой-нибудь высокий чин.

<sup>2</sup> Кафтан — верхняя долгополая мужская одежда.

В это время на него в окно глядела царская дочь — Марья-царевна.

Емеля увидел ее в окошке и говорит потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал еще:

— Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полеживает.

А у царя во дворце крик да слезы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он ее за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять **набольшему** вельможе:

— Ступай приведи ко мне Емелю живого или мертвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил **набольший** вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошел в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лег спать. А вельможа положил его в повозку и повез к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В нее посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли — проснулся Емеля, видит — темно, тесно:

— А где я?

А ему отвечают:

— Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

— А ты кто?

— Я — Марья-царевна.

Емеля говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на желтый песок...

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на желтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из нее.

— Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

— А мне неохота...

Тут она стала его еще пуще просить, он и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — выстройся каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал, — появился каменный дворец с золотой крышей.

Кругом — зеленый сад: цветы цветут и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — стать мне добрым молодцем, писаным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит — стоит дворец, где раньше ничего не было.

— Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить:

— Кто такие?

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают. Емеля им отвечает:

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведет во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьет и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелю — как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я — тот самый Емеля. Захочу — все твоё царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался и стал прощенья просить:

— Женись на моей дочери, Емелюшка, бери мое царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.



# ИВАН-СОЛДАТ



Жил-был один солдат. Ему учение худо шло. А прежде били, мучили, стегали. Его все и бьют. Вот раз послали ночью караул держать. Зимой, холодно. Он стоял и призадумался. „Что же, — думает, — лучше сбежать мне, а то совсем убьют. А куда бежать? На родину, так поймают. Все равно и так помирать. Пойду куда-нибудь“.

Вот он снял свою сумку и на ней написал: „Сума, служи сама“, а на ружье написал: „Скажи капитану, я служить не стану“. И побежал леском из города. Забежал в леса. Двое суток голодал. Потом видит стоит дом. Зайти страшно, а не зайти — того хуже. Он и зашел.

Дом хороший, изукрашенный, мебель, чисто. А нет никого. Походил он из комнаты в комнату. Шкафы растворены, кушанья, все есть. Вот он поел порядком, выпил водки, повеселился. Солнце закатилось уж. Он и лег на кровать. Слышит дом потрясся. Что такое? Одна нога по коридору стучит.

Вдруг двери отворились и заходит в комнату Головня черная. Головня проговорила русским языком:

— Ты, Иван, крестьянский сын, три ночи пролежи, а не убойся ничего. Я заколдованная царская дочь, а здесь был город губернский, заколдован тоже. Это все бугры заповедные. Ты всех спасти можешь. Что с тобой будут делать, ты голосу не подавай. Три ночи терпи — всех спасешь.

Тук-тук, — Головня скрылась.

Он лег на кровать лицом вниз. Бежит солдат — товарищ из его полка.

— Ты, Иван, здесь?

Он молчит.

— Тебя, — говорит, — разыскали. Встань, беги!

Он молчит.

— Встань, — говорит, — добром, а то тебе плохо будет. Я за фельдфебелем пойду, он тебе шкуру снимет.

Он лежит, головы не подымает. Тот сбегал будто за фельдфебелем. Фельдфебель пришел:

— А, солдат! Здесь? — говорит. — Почему бежал, не являлся? Встань, — говорит, — солдат, прощаю за все, иди на старое место.

Он не встает.

Тот бился до утра, а он и голосу не подает. Заря занялась, — все скрылось, никого не стало. Солдат лежит. Тут одна нога стучит, Головня идет.

— Встань, солдат, — говорит она. — Солнце высоко, не бойся никого.

Солдат встал. Видит, Головня до груди красавицей стала, а от груди — все та же черная головня.

— Еще не убоишься, солдат, пролежишь, и буду я исцелена.

Тук-тук, — Головня ушла.

Солдат встал, умылся, оделся, самовар поставил. Когда вечер подошел, он опять на кровать ложится, лицом вниз. Наступила ночь. Солдат слышит — пара коней прискакала, кареты приехали. Забежал в комнату офицер с солдатами:

— А-а, он опять здесь. Встать!

Он молчит.

— Встань, солдат, прощаю. Поедем на старое место, я тебе чин дам фельдфебеля. Бить и притеснять больше не будем.

А солдат не встает.

— Так, — говорит офицер, — занести дюжину розог да выдрать!

Принесли пучок розог. Просят его:

— Встань, простим все, поедем на старое место, стегать не будем.

Он весь дрожит, а молчит.

Тут они розги разрезали. Нарядили палача стегать. Солдат лежит, ничего не говорит. Палач его заголил, хочет лупить. Он лежит, не шевелится. Как только палач замахнулся, заря занялась, — и все скрылось.

Идет Головня, постукивает. Дверь растворила. Уж по колени девица-красавица. Только одни ноги заколдованы.

— Ну, Иван, крестьянский сын, одну еще ночку пролежишь, — и я буду исцелена.

Тук-тук — и ушла.

Солдат встал, умылся, оделся, самовар поставил — день провел. Вечером опять таким же манером лег, напружился.

Слышит, приехали в трех каретах. Приехал и генерал, и полковник с войском. Забежали в комнату. Генерал кричит:

— Ты что, солдат, не встаешь! Встань, голубчик, все прощаем, в офицеры произведем, бери деньги, забирай жалование!

А он молчит.

— А если не встанешь, строгое наказание будет.

Тут и доктор стал умаливать:

— Встань, солдат, лучше будет.

Ему страшно, а Головню вспомнит — не шевелится.

— Ну, — генерал кричит, — тащите шашку, сейчас голову отсечем!

Слышит — сабля бренчит. Стали замахиваться. Полковник говорит:

— Сейчас твоя смерть будет.

Солдат молчит.

— Ну, — рычит генерал, — рубите голову!

Он слышит — махнули по голове, голова пала.

— Руби по ногам!

И ноги отлетели. Потом руки отсекли. Он думает: „Что же мне не больно?“

Стала заря заниматься. Все прочь побежали. Солнце поднялось. Вдруг двери растворились, вошла барышня-красавица, Царь-девица.

— Встань, Иван, — говорит, — солнце высоко.

Он встал. Цел. Руки, ноги — все есть. Он на нее посмотрел, удивился:

— Что так? Была Головня, стала красавица.

— Умойся, приоденься, в окно погляди.

Он умылся, поглядел в окно. Где бугры да лес были, там образовался город губернский: народ ходит, торговля обширная. Она говорит:

— Ты весь город спас и меня спас, — будешь ты моим хозяином.

Дает ему кольцо именное, волшебное.

— Вот, — говорит, — наше обручение, только я еще заповед-

ная: днем красавицей буду, а ночью черное платье одену — Головной стану. Ну, иди по городу, посмотри.

Он пошел по городу смотреть, зашел в магазин, его спрашивают:

— Ты, кто такой, солдат, откуда?

— Я не здешний.

— Не ты ли город спас?

— Я, — говорит.

Они и не знают, чем его наградить. Дают ему злата и серебра, на царское место сажают, и нигде ничего с него не берут.

Вот солдат неделю живет. Днем Царь-девица — красавицей, а ночью — головней. Он и заскучал.

Что ж она ночью головней? Надо черное платье спалить, будет и ночью красавицей.

Он взял днем это платье и сжег в печке. Она вечером искать — нет платья.

— Я, — говорит, — в печке сжег.

— Теперь тебе меня не видать, пока через пески сыпучие не пройдешь, силу великую не займешь.

И улетела птицей-горлицей.

Солдат заскучал. Стал из города уходить. Синод<sup>1</sup> говорит:

— Мы тебе лучшую красавицу найдем.

А он говорит:

— Я с той обрученный, ее и искать пойду.

Он велел сковать сапоги железные да шляпу железную, да посох железный. И ушел. Шел-шел, сказка скоро сказывается, — а он уже год в дороге. Идет через дремучие леса. Весь изорвался, весь издержался, а все за Царь-девицей торопится. Дорога щебеньем да горами, да темными лесами. Трудно ему, но назад на сытое царство не возвращается.

Три года шел и пришел к высокой горе. За горой город стоит, а под горой река течет. Вместо воды — сыпучий песок и берег крутой, спуститься нельзя. Что тут делать? Солдат и думает:

„Теперь я пропал, назад не выберусь и вперед не попасть.“

Стало вечереть. Вдруг прилетела птица — Моговей. По горе похаживает, траву пощипывает. Он взял склянку вина да и вылил

<sup>1</sup> Синод — высшее правление христианской церкви.

озерцо. Птица пить начала и охмелела. Он не будь глуп — затаился, крупным шагом подбежал и схватил птицу за шею.

Она говорит:

— Зачем ты меня поймал?

— Я не бить, не мучить, — а не можешь ли меня снести за песчаную реку?

— Дай, — говорит, — мне проспать.

Он дал ей проспать, отдохнуть. Потом сел на нее, за шею вцепился. Она его и перенесла через речку. Он ее отпустил, а сам пошел к городу. В маленькую избушку зашел. Там старушке-вдовушке все рассказал.

Вдовушка говорит:

— Худо, ее трудно взять, за нее иностранные принцы сватаются. Да она мне крестница, может ко мне в гости придет.

Солдат пошел в город. Ходит, смотрит, видит — богатырь Медный мертвым лежит, посреди улицы валяется. Он говорит:

— Что ж такого славного богатыря по-людски не схороните?

— Его схоронить — надо тысячу рублей.

Он взял, вынул тысячу рублей. Устроил похороны хорошие. Потом вернулся к вдовушке. Попил, поел, лег отдыхать у окошка. В полночь — стук в окно. Он вышел. Видит — Медный богатырь на медном коне.

— Иван, — говорит, — русский человек, я тебе свою силу дам. Пойдем ко мне в шатер.

Поехали в чистое поле. Увидали — шатер стоит. Сейчас коня привязали, в шатер зашли. Богатырь сделал угощение хорошее и говорит:

— Вот, Иван, силу мою выпей.

И дает ему стакан сильной воды. Он выпил и стал чувствовать силу великую в плечах. Богатырь вышел из шатра вон и коню говорит:

— Конь мой, лошадь добрая, как мне служил, так Ивану послужи. Возьми, Иван, три волосинки, как потрясешь, конь перед тобой будет. А вон мои доспехи богатырские. Одень, принарядись, будешь рыцарь непобедимый.

Конь стал на коленки, со старым хозяином распростился. Нового хозяина поцеловал в темя — и убежал. А Иван сам пошел на старое место, лег на кровать, кровать шатается.

Вдовушка встала, поставила самовар, а солдат спит. Она поглядела на него:

— Как тебе поздоровело в нашем месте.

— Да, — говорит, — силы прибавилось.

На другой день он опять пошел по городу. Видит — Серебряный богатырь валяется.

— Это что ж, — говорит, — у вас такой богатырь без погребения валяется?

— А он с Золотым бился, да друг друга забили. Его схоронить — надо две тысячи рублей.

Он вынул две тысячи — Серебряного богатыря с честью схоронил.

Потом пошел на квартиру к себе. У окошка лег. Посреди ночи — стук-стук в окно.

— Встань, Иван, крестьянский сын, выйди.

Он вышел, едет Серебряный богатырь на серебряном коне.

— Едем, Иван, русский человек, ко мне в шатер, я тебе свою силу дам.

Ну, поехали. В чисто поле приехали, стоит серебряный шатер. Богатырь наливает серебряный стакан:

— Выпей, Иван. Слышишь ли в себе что?

— Слышу силу великую.

— Ну, мой добрый конь, как мне служил, — так новому хозяину послужи.

Конь старому хозяину в ноги поклонился, новому темя поцеловал.

Иван к вдовушке пришел. Хотел спать лечь, кровать не держит. Он войлок на пол постелил да и лег.

Утром вдовушка встает:

— Ой, Иван, как тебе поздоровело.

— Да, у меня силы прибавилось.

Пошел он в город гулять. Все Царь-девицу высматривает.

Видит Золотой богатырь валяется.

— Что стоит похоронить Золотого богатыря? — спрашивает.

— Надо пять тысяч рублей.

Иван пять тысяч рублей вынул — его с честью схоронил.

Ночью едет Золотой богатырь.

— Встань, Иван, иди мою силу пить.

Привез его в шатер, накормил, дал ему силу выпить.

— Носит ли земля тебя, Иван, русский человек?

— Земля подо мной колеблется.

— На-ка, выпей слабой воды.

Он выпил.

— Носит ли земля тебя?

— Носит, — говорит.

— Ну, конь мой любимый, как меня слушался, так слушайся и нового хозяина.

Конь на коленки пал, старого хозяина поцеловал.

Золотой богатырь говорит:

— Ну, Иван, нашей силой управляй, а станет тебе мало, вспомни нас, один раз мы для тебя из могилы встанем.

— Ладно, — говорит.

Пошел Иван домой, а от его духу у вдовушки изба шатается.

— Ну поздоровел ты, Иван.

— Да, во мне силы прибавилось.

Вот вдовушка и говорит:

— Твоя милая скоро сюда зайдет. Я тебя спрячу на то время, а сама разговор заведу, кто ее спас. Если будет от тебя отпираться, ты выскочи, за волосы схвати и таскай.

Ну вот, идет Царь-девица гулять по панели с няньками, с мамками. И зашла к бабушке. Та говорит:

— Где ты три года пропадала, крестница?

— Да, бабушка, пропадала я в таком-то городе. Была головней заколдована.

— А как ты спаслась?

— Да меня один солдат спас.

— А ты не обещалась ему замуж итти?

— Обещалась, — говорит.

— И как бы он был здесь, пошла б за него замуж?

— Да где, — говорит, — теперь за меня главный генерал сватается, а я за солдата пойду?..

Иван и выскочил:

— Что ты, — говорит, — теперь отказываешься!

Схватил ее за желтые косы да начал стегать. Она стала увертываться змеей, а он ее топчет. Она львицей — он силой берет.

Она тигрой, медведицей — он все силой берет. Тогда она и обернулась красавицей.

— Ну, — говорит, — все у меня отбил, все коварства, буду теперь верная жена, приходи завтра свататься.

Ну, хорошо. Утром он встал, пошел свататься. Стали его спрашивать, как отца звать, как мать, из какого города? Он всю правду рассказал, каким манером город спас и дочку.

— Я, — говорит, — сделал ошибочку, мне не надо было ее черное платье жечь. Вот она от меня и улетела. Но я ее три года искал и нашел. И она дала мне заклятье, что замуж пойдет. И кольцо именное.

Дочка говорит:

— Да, палаша, правда.

Вот пирком — да за свадьбу. Только обвенчались, вдруг принц иностранный, что ее замуж хотел брать, с войском пришел.

Иван вышел на крыльцо, крикнул сильным голосом. Бежит медный конь. Иван оделся, умылся и сел на медного коня. Сам в чужое войско заехал. Трубы заиграли, открыли огонь. Он на коне полетел и начал войско бить. Бил-бил, всех прибил, конем притоптал. С победой обратно воротился.

Король встречает его с честью, с радостью. Сделали пир на четыре дня. Вот сидят пируют. Вдруг курьер прискакал, что еще больше войско подошло.

Иван вышел в чисто поле, свистнул, прибежал серебряный конь. Иван сел, снарядился и рыцарем сделался. И отправился. Начал косить: где махнет — улица, где вздохнет — переулочек. Конь ученый зубами рвет, ногами топчет. Все уничтожил, все войско разбил.

Встречают Ивана с честью, с радостью. Сделали пир огромный. Пока пировали и столовали, прискакал курьер, привез эстафету — крепче старого войско идет.

Он вышел в чисто поле, свистнул, золотой конь бежит, земля дрожит. Он снарядился рыцарем богатым, напал на рать, начал мять, косить, а их сила несметная. Тут он с ними боролся двое суток.

Вот он устал, а они на него своего богатыря выслали. Они бьются, бьются, у Ивана члены ослабли. Устал. Думает: „Сейчас мне смерть“. И вспомнил про богатырей. Крикнул:

— Медный, Серебряный, Золотой богатыри, на помощь Ивану, крестьянскому сыну!

Тут они из могилы встали и наехали. Стали бить, трепать, кони ногами бьют, зубами грызут, всех победили, никого не оставили. Всех потоптали, покосили.

Вот вернулся обратно с победой. Он на золотом коне приехал. Поставил коня к колодцу и лег отдыхать.

Он спал трое суток, а потом сделал бал на неделю. Пили, гуляли, что хотели. Король и говорит:

— Я тебе все царство сдам. Царством управляй, а я на покой уйду.

Тут Иван и остался управлять царством.



## ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ



В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

— Слушай, Василисушка! Помни и исполни мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу, — береги ее всегда при себе и никому не показывай. А когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший, за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в годах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе, — стало быть, и хозяйка и мать опытная.

Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица. Мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела. Совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки, как барыни.

Как же это так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости. Злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису, та только отдыхает в холодочке да рвет цветочки, а у нее уж и гряды выплоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет и травку от загару.

Хорошо было жить ей с куколкой. Прошло несколько лет. Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе, а на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

— Не выдам меньшей прежде старших!

А проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом. Возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, в избушке жила баба-яга. Никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят.

Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но та завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть — и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила только одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать.

Девушки работали. Вот нагорело на свечке: одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтобы поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно, и потушила свечку.

— Что теперь нам делать? — говорили девушки. — Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к бабе-яге!

— Мне от булавок светло, — сказала та, что плела кружево: — я не пойду.

— И я не пойду, — сказала та, что вязала чулок: — мне от спиц светло!

— Тебе за огнем итти, — закричали обе: — ступай к бабе-яге! — и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

— На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к бабе-яге. Баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки.

— Не бойся, Василисушка! — сказала она. — Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не случится с тобой у бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо нее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый и сбруя на нем белая, — на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, — стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка бабы-яги. Забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами. Вместо дверей у ворот — ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала, как вкопанная.



Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне. Подскакал к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, — настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала от страха, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели. Выехала из лесу баба-яга: в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

— Фу, фю! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

— Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня к тебе за огнем.

— Хорошо, — сказала баба-яга, — знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня. А коли нет, так я тебя съем!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

— Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь, ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось. Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе:

— Подай-ка сюда, что там есть в печи, я есть хочу.

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать бабе-яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять. Из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха. Василисе оставила только щец немного, краюшку хлеба до кусочек поросятины.

Стала баба-яга спать ложиться и говорит:

— Когда завтра я уеду, ты, смотри, — двор вычисти, избу вымети, состряпай, белье приготовь да пойдя в закром, возьми четверть пшеницы и очисти ее от чернухи. Да чтоб все было сделано, а не то — съем тебя!

После такого наказа баба-яга захрапела, а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и сказала:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне баба-яга работу и грозитя съесть меня, коли всего не исполню. Помоги мне!

Куколка ответила:

— Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися, — утро вечера мудренее!

Ранешенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают. Вот мелькнул белый всадник, и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула — перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник — взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, — пестом погоняет, помелом след замечает.

Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилию во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уж сделана: куколка выбирала из пшеницы последние зерна дикого гороха.

— Ах ты, избавительница моя! — сказала Василиса куколке! — Ты от беды меня спасла.

— Тебе осталось только обед состряпать, — отвечала куколка, влезая в карман Василисы: — состряпай с богом, да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник, — и совсем стемнело, только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья — едет баба-яга. Василиса встретила ее.

— Все ли сделано? — спрашивает баба-яга.

— Изволь посмотреть сама, бабушка! — молвила Василиса.

Баба-яга все осмотрела, подсадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

— Ну, хорошо!

Потом крикнула:

— Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон.

Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

— Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли, по зернышку. Вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене, захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку.

Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

— Молись богу да ложись спать, — утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!

Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора. А Василиса с куколкой всю работу тотчас и справили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула:

— Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло! Явились три пары рук, схватили мак и унесли.

Баба-яга села обедать. Она ест, а Василиса стоит молча.

— Что же ты ничего не говоришь со мною? — сказала баба-яга. — Стоишь, как немая!

— Не смею, — отвечала Василиса, — а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой-о чем.

— Спрашивай. Только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состаришься!

— Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?

— Это день мой ясный, — отвечала баба-яга.

— Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет. Это кто такой?

— Это мое солнышко красное! — отвечала баба-яга.

— А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

— Это ночь моя темная — все мои слуги верные!

Василиса вспомнила о трех парах рук и замолчала.

— Что ж ты еще не спрашиваешь? — молвила баба-яга.

— Будет с меня и этого. Сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состаришься.

— Хорошо, — сказала баба-яга, — что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

— Мне помогает благословение моей матери, — отвечала Василиса.

— Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных.

Вытащила она Василису из горницы<sup>1</sup> и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

— Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его. Они ведь за этим тебя сюда и прислали.

Бегом пустилась Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и наконец к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. Верно, дома, думает себе, уж больше в огне и не нуждаются. Но вдруг послышался глухой голос из черепа.

— Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей — тот погасал, как только входили с ним в горницу.

— Авось твой огонь будет держаться! — сказала мачеха.

Внесли череп в горницу, а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят. К утру совсем сожгли их в уголь, — одну Василису не тронули.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке. Живет себе и поджидает отца.

Вот как-то говорит она старушке:

— Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего, я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего, Василиса села за дело, работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много, пора бы и за тканье приниматься, да таких берд не найдут, чтобы годились на василисину пряжу. Никто не берется и сделать-то.

---

<sup>1</sup> Горница — задняя половина крестьянской избы, так называемая чистая, летняя.

Василиса стала просить свою куколку, та и говорит:

— Принеси-ка мне какое-нибудь бердо да старый челнок, да лошадиную гриву. Я все тебе смастерю.

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

— Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

— Нет, дитяtko! Такого полотна, кроме царя, носить некому. Понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам да все мимо окон похаживает. Царь увидел и спросил:

— Что тебе, старушка, надобно?

— Ваше царское величество, — отвечает старуха, — я принесла диковинный товар. Никому, кроме тебя, показать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно — очень удивился.

— Что хочешь за него? — спросил царь.

— Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из такого полотна сорочки шить. Скроили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали. Наконец царь позвал старуху и сказал:

— Умела ты напрядь и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

— Не я, государь, пряла и ткала полотно, — сказала старуха, — это работа приемыша моего — девушки.

— Ну так пусть и сошьет она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всем Василисе.

— Я знала, — говорит ей Василиса, — что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу. Шила она не покладая рук, и скоро дюжина сорочек готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждет, что будет. Видит: на двор к старухе идет царский слуга. Вошел в горницу и говорит:

— Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти.

— Нет, — говорит он, — красавица моя! Не расстанусь я с тобою, — ты будешь моей женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а потом и свадьбу сыграли.

Скоро воротился и отец Василисы, порадовался ее судьбе и остался жить при дочери.

Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей носила в кармане.



Жили себе дед да баба. У них было три сына: два разумных, а третий — дурень.

Первых баба любила, чисто одевала, а последний всегда был одет худо — в черной сорочке ходил. Прослышали они, что пришла от царя бумага: кто построит такой корабль, чтобы мог летать за того выдаст замуж царевну.

Старшие братья решили итти пробовать счастья и попросили у стариков благословение. Мать снарядила их в дорогу, надала им белых лепешек, разного мясного и фляжку вина, и выпроводила в путь-дорогу.

Увидя это, дурень тоже начал проситься, чтобы и его отпустили.

Мать стала его уговаривать, чтоб не ходил:

— Куда тебе, дурню. Тебя волки съедят!

Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на дорогу черных лепешек и фляжку воды и выпроводила из дому.

Дурень шел-шел и повстречал старика. Поздоровались. Старик спрашивает дурня:

— Куда идешь?

— Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль.

— Разве ты можешь сделать такой корабль?

— Нет, не сумею!

— Так зачем же ты идешь?

— А бог его знает!

— Ну, если так, — сказал старик, — то садись здесь, — отдохнем вместе и закусим. Вынимай, что у тебя есть в торбе.

— Да тут такое, что и показать стыдно людям!

— Ничего, вынимай. Что бог дал — то и поедим!

Дурень развязал торбу — и глазам своим не верит: вместо черных лепешек лежат белые булки и разные приправы. Подал старику.

— Видишь, — сказал ему старик, — как бог дурней жалует! Хоть родная мать тебя и не любит, но и ты не обделен... Давай же выпьем наперед вина.

Во фляжке вместо воды очутилось вино. Выпили, перекусили, и говорит старик дурню:

— Слушай же — ступай в лес, подойди к первому дереву, перекрестись три раза и ударь в дерево топором, а сам упав ничком и жди, пока тебя не разбудят. Тогда увидишь перед собой готовый корабль, садись в него и лети, куда тебе надобно. Да по дороге забирай к себе всякого встречного.

Дурень поблагодарил старика, распрощался с ним и пошел к лесу. Подошел к первому дереву, сделал все так, как ему велено: три раза перекрестился, тюкнул по дереву топором, упал на землю ничком и заснул.

Спустя несколько времени начал кто-то будить его. Дурень проснулся и видит готовый корабль. Не стал долго думать, сел в него, — и корабль полетел по воздуху.

Летел-летел, глядь — лежит внизу на дороге человек, ухом к сырой земле припал.

— Здравствуй, дядька!

— Здорово, дружище!

— Что ты делаешь?

— Слушаю, что на том свете делается.

— Садись со мной на корабль.

Тот не захотел отговариваться, сел на корабль, — и полетели они дальше. Летели-летели, глядь — идет человек на одной ноге, а другая к уху привязана.

— Здорово, дядька! Что ты на одной ноге скачешь?

— Да коли б я другую отвязал, так за один бы шаг весь свет перешагнул!

— Садись с нами!

Тот сел, — и опять полетели. Летели-летели, глядь — стоит человек с ружьем, прицеливается, а во что — неведомо.

— Здорово, дядька! Куда ты метишь, ни одной птицы не видно?

— Как же, стану я стрелять близко... Мне бы застрелить зверя или птицу верст за тысячу отсюда: то по мне стрельба!

— Садись с нами!

Сел и этот, — и полетели они дальше. Летели-летели, глядь — несет человек за спиною полон мешок хлеба.

— Здорово, дядька! Куда идешь?

— Иду, — говорит, — добывать хлеба на обед.

— Да у тебя и так полон мешок за спиною.

— Что тут! Для меня этого хлеба и на один раз укусить нечего.

— Садись с нами!

Объедало сел на корабль, — и полетели дальше. Летели-летели, глядь — ходит человек вокруг озера.

— Здорово, дядька! Чего ищешь?

— Пить хочется, да воды не найду.

— Да ведь перед тобой целое озеро. Что же ты не пьешь?

— Эка! Этой воды на один глоток мне нехватит.

— Так садись с нами.

Он сел, — и опять полетели. Летели-летели, глядь — идет человек в лес, а за плечами вязанка дров.

— Здорово, дядька! Зачем в лес дрова несешь?

— Да это не простые дрова.

— А какие же?

— Да такие: коли разбросать их, так вдруг целое войско явится.

— Садись с нами!

Сел он к ним, — и полетели дальше. Летели-летели, глядь — человек несет куль соломы.

— Здорово, дядька! Куда несешь солому?

— В село.

— Разве в селе-то мало соломы?

— Да это такая солома, что как ни будь жарко лето, а коли разбросаешь ее, — так сразу холодно делается: снег да мороз!

— Садись с нами!

— Пожалуй!

Это была последняя встреча. Скоро долетели они до царского дворца.

Царь в ту пору за обедом сидел. Увидал летучий корабль, у дивился и послал своего слугу спросить: кто на том корабле прилетел? Слуга подошел к кораблю, видит, что на нем все мужики, не стал и спрашивать, а, воротясь домой в покои, донес царю, что на корабле нет ни одного барина, а все черные люди.

Царь рассудил, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и стал думать, как бы от этого зятя избавиться. Вот и придумал: „Стану я ему задавать разные трудные задачи“. Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, пока царский обед кончится, исцелительной и живительной воды.

В то время, как царь отдавал этот приказ своему слуге, первый встречный (тот самый, который слушал, что на том свете делается) услышал царские речи и рассказал дурню.

— Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, — и весь свой век не найду такой воды!

— Не бойся, — сказал ему скороход. — Я за тебя справлюсь.

Пришел слуга и объявил царский приказ.

— Скажи: принесу! — отозвался дурень. А товарищ его отвязал свою ногу от уха, побежал и мигом набрал исцелительной и живительной воды.

„Успею, думает, вернуться!“ Присел под мельницей отдохнуть и заснул. Царский обед к концу подходит, а его нет как нет. Засуетились все на корабле. Первый встречный приник к сырой земле, прислушался и сказал:

— Экой, спит себе под мельницей.

Стрелок схватил свое ружье, выстрелил в мельницу и тем

выстрелом разбудил скорохода. Скороход прибежал и в одну минуту принес воду. Царь еще из-за стола не встал, а приказ его выполнен как нельзя вернее.

Нечего делать, надо задавать другую задачу. Царь велел сказать дурню: „Ну, коли ты такой хитрый, так покажи свое удальство: съешь со своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать кулей печеного хлеба“.

Первый товарищ услышал и объявил про то дурню. Дурень испугался и говорит:

— Да я и одного хлеба за один раз не съем!

— Не бойся, — отвечает объедало, — мне еще мало будет!

Пришел слуга и объявил царский указ.

— Хорошо, — сказал дурень, — давайте, будем есть.

Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печеного. Объедало один все поел:

— Эх, — говорит, — мало! Еще б хоть немножко дали!..

Царь велел сказать дурню, чтоб выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок ведер. Первый товарищ дурня подслушал те царские речи и передал ему попрежнему. Дурень испугался:

— Да я и одного ведра не в силах за раз выпить.

— Не бойся, — говорит опивало, — я один за всех выпью, еще мало будет!

Налили вином сорок бочек. Опивало пришел и без отдыху выпил все до одной. Выпил и говорит:

— Эх, маловато! Еще б выпить!

После того царь приказал дурню к венцу готовиться, итти в баню да вымыться. А баня-то была чугунная, и велел ее натопить жарко-жарко, чтоб дурень в ней в одну минуту задохся.

Вот раскалили баню докрасна. Пошел дурень мыться, а за ним следом идет мужик с соломою: подстелить-де надо. Заперли их обоих в бане, мужик разбросал солому, — и сделалось так холодно, что едва дурень вымылся, в чугунах стала вода мерзнуть. Залез он на печку и там всю ночь пролежал.

Утром отворили баню, а дурень жив и здоров, на печи лежит да песни поет.

Доложили царю. Тот опечалился, не знает, как бы отвязаться от дурня.

Думал-думал и приказал ему, чтоб целый полк войска

поставил, а у самого на уме: „Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он не сделает!“

Как узнал про то дурень, испугался и говорит:

— Теперь-то я совсем пропал! Выручали вы меня, братцы, из беды не один раз, а теперь, видно, ничего не поделаешь.

— Эх, ты, — отозвался мужик с вязанкою дров, — а про меня разве забыл? Вспомни, что я мастер на такую штуку и не бойся!

Пришел слуга, объявил дурню царский указ:

— Коли хочешь на царевне жениться, поставь к завтраму целый полк войска.

— Хорошо, поставлю! Только если царь и после этого станет отговариваться, то завоюю все его царство и насильно возьму царевну.

Ночью товарищ дурня вышел в поле, вынес вязанку дров и давай раскидывать в разные стороны — тотчас явилось несметное войско: и конное, и пешее, и с пушками. Утром увидал царь, испугался.

Поскорей послал к дурню дорогие уборы и платья, велел во дворец итти с царевной венчаться. Дурень нарядился в дорогие уборы, сделался таким молодцом, что и сказать нельзя! Явился к царю и обвенчался с царевною, получил большое приданое и стал разумным и догадливым.

Царь с царицею его полюбили, а царевна в нем души не чаяла.



Загнали солдата на дальние границы, прослужил он положенный срок, получил чистую отставку и пошел на родину. Шел он через многие земли, через разные государства. Приходит в одну столицу и останавливается на квартире у бедной старушки. Начал ее расспрашивать:

— Как у вас, бабушка, в государстве — все ли здорово?

— И-и, служивый! У нашего царя есть дочь красавица Марфа-царевна. Сватался за нее чужестранный принц. Царевна не захотела за него итти, а он напустил на нее нечистую силу. Вот уж третий год хворает! Не дает ей нечистая сила по ночам покою: бьется, сердечная, и кричит без памяти!.. Уж чего царь ни делал: и колдунов, и знахарей приводил — никто не избавил!

Выслушал это солдат и думает сам с собой: „Дай пойду, счастья попытаю, может и избавлю царевну! Царь хоть что-нибудь на дорогу пожалует.“ Взял шинель, вычистил пуговицы мелом, надел — и марш во дворец. Увидала его придворная прислуга, узнала, зачем идет, подхватила под руки и привела к самому царю.

— Здравствуй, служба! Что хорошего скажешь? — говорит царь.

— Здравия желаю, ваше царское величество! Слышал я, что у вас Марфа-царевна хворает. Я могу ее вылечить.

— Хорошо, братец! Если вылечишь, я тебя с ног до головы золотом осыплю.

— Только прикажите, ваше величество, выдать мне все, что требовать стану.

— Говори, что тебе надобно.

— Да, вот, дайте мне меру чугунных пуль, меру грецких орехов, фунт свечей и две колоды карт, да сделайте мне чугунный прут, чугунную царепку о пяти зубьях да чугунное подобие человека с пружинами.

— Ну, хорошо, к завтраму все будет готово.

Изготовили, что надо, солдат запер во дворце все окна и двери накрепко, закрестил их крестом, — только одну дверь оставил незапертой и встал возле нее на часах. Комнату осветил свечами, на стол положил карты, а в карманы насыпал чугунных пуль да грецких орехов.

Управился и ждет. Вдруг в самую полночь прилетел нечистый дух: куда ни сунется — не может войти! Летал-летал вокруг дворца и увидал, наконец, отворенную дверь. Прикинулся человеком и хочет войти.

— Кто идет? — окликнул солдат.

— Пусти, служивый! Я придворный лакей.

— Где же ты, халдейская харя, до сих пор таскался?

— А где был, там теперь нету! Дай-ка мне орешков погрызть.

— Много вас тут, халдеев! Всех по ореху оделить, самому ничего не останется.

— Дай, пожалуйста!

— На, возьми! — и дает ему пулю.

Чорт взял в рот пулю, давил-давил зубами, в лепешку ее смял, а разгрызть — не разгрыз. Пока он с чугунною пулею возился, солдат орехов с двадцать разгрыз да съел.

— Эх, служивый, — говорит чорт, — крепки у тебя зубы!

— Плох ты, я вижу! — отвечал солдат. — Ведь я двадцать пять лет царю прослужил, над сухарями зубы притупил, а ты б посмотри, каков с молодых годов я был!..

— Давай, служивый, в карты играть.

— А на что играть-то станем?

— Известно — на деньги.

— Ах, ты, халдейская харя! Ну, какие у солдата деньги, он всего жалованья — три денежки в сутки получает, а надо ему и мыла, и ваксы, и мелу, и клею купить, и в баню сходить. Хочешь — на щелчки играть?

— Пожалуй!

Начали на щелчки играть. Чорт наиграл на солдата три щелчка:

— Давай, — говорит, — бить стану!

— Догоняй до десятка, тогда и бей. Из-за трех щелчков нечего и руки марать!

— Ладно!

Стали опять играть. Пришла солдату крестовая масть, и нагнал он на нечистого десять щелчков.

— Ну-ка, — говорит чорту, — подставляй свой лоб, я покажу тебе, как с нашим братом на щелчки играть! По-солдатски урежу! И другу и недругу закажешь!..

Чорт взмолился, просит, чтоб солдат полегче его бил.

— То-то! С вами, с халдеями, только свяжись — сам не рад будешь. Как дело к расчету — так сейчас и отлынивать! А мне никаким способом нельзя тебя пощадить. Я — солдат и давал присягу завсегда поступать верою-правдою.

— Возьми, служивый, деньгами!

— А на что мне твои деньги? Я играл на щелчки — щелчка-

ми и плати. Разве вот что: есть у меня меньшей брат, пойдём-ка к нему — он пробьёт тебе щелчки потише моего. А если хочешь, давай я сам стану бить!

— Нет, служивый, веди лучше к меньшому брату.

Солдат привел нечистого к чугунному человеку, тронул за пружину да как щелкнет чорта по лбу — тот даже в другую сторону отлетел.

Солдат ухватил его за руку:

— Стой, еще девять щелчков за тобою.

Тронул в другой раз пружину, чорт кубарем покатился да чуть-чуть стену не пробил! А в третий раз отбросило нечистого прямо в окно, вышиб он раму и выскочил вон.

— Помни, проклятый! — кричит солдат. — За тобой еще семь щелчков осталось!

Наутро спрашивает царь Марфу-царевну:

— Ну что, каково ночь проводила?

— Спокойно, государь-батюшка!..

На другую ночь отрядил сатана во дворец другого чорта: они ходили стращать да мучить царевну по очереди. Досталось и этому на орехи! В тринадцать ночей перебивало у солдата тринадцать нечистых в переделке, и всем одинаково туго пришлось! Ни один в другой раз итти не захотел.

— Ну, внучата, — говорит им дедушка-сатана, — я сам теперь пойду.

Пришел сатана во дворец и ну с солдатом разговаривать; то-другое, пятое-десятое, стали в карты играть. Солдат обыграл его и повел к меньшому брату щелчками угощать. Привел, надавил пружину, меньшей брат обхватил сатану чугунными руками, да так плотно, что ему ни взад, ни вперед нельзя пошевелиться.

Солдат схватил чугунный прут и давай хлестать. Бьет сатану да приговаривает:

— Вот тебе в карты играть! Вот тебе Марфу-царевну мучить!

Исхлестал чугунный прут и взялся царской строгать: сатана благим матом ревет, а солдат знай себе дерет, и так его донял, что тот, как вырвался, — без оглядки убежал!

Вернулся в свое болото, охает:

— Ах, внучата, чуть было меня солдат до смерти не убил!..

— То-то, дедушка! Видишь, он какой мудреный! Вот уж две

недели, как я во дворце не был, а все голова трещит! Да еще спасибо, что не сам бил, а меньшого брата заставил!..

Вот стали черти придумывать, как бы выжить им из дворца этого солдата. Думали-думали и решились золотом откупиться. Прибежали к солдату разом все. Тот увидал, испугался и закричал громким голосом:

— Эй, брат! Ступай сюда скорее, должники пришли, надо щелчки давать!

— Полно, полно, служивый! Мы пришли к тебе о деле потолковать. Сколько хочешь возьми с нас золота—только выйди из дворца!

— Нет, что мне золото! Уж коли хотите услужить мне, так полезайте все в ранец. Я слышал, что нечистая сила больно хитра—хоть в щель и то вылезет! Вот если это сделаете, право слово уйду из дворца!

Черти обрадовались:

— Ну, служивый, открывай свой ранец.

Солдат открыл, они и полезли туда все до единого, сатана сверху лег.

— Укладывайтесь плотнее,—говорит солдат,—чтоб можно было на все пряжки застегнуть.

— Застегивай, не твоя печаль!

— Счастье ваше, если застегну! А то не прогневайтесь, ни за что из дворца не выйду!

Вот солдат взял, застегнул ранец на все пряжки, перекрестил его, надел на себя и пошел к царю.

— Ваше царское величество, прикажите изготовить тридцать железных молотов, каждый молот—в три пуда.

Царь отдал приказ. Сейчас же изготовили тридцать молотов. Солдат принес ранец в кузницу, положил на наковальню и велел бить как можно сильнее.

Плохо пришлось чертям, а вылезть никак нельзя! Угостил их солдат на славу!

— Теперь довольно!

Вскинул ранец на плечо и явился к царю с докладом:

— Служба-де моя кончена, больше нечистая сила не станет царевну тревожить...

Царь поблагодарил его:

— Молодец, служивый! Ступай гуляй по всем кабакам и трактирам, требуй, что только душе угодно, — ни в чем тебе нет запрету!

И приставил к нему царь двух писарей, чтобы всюду за ним ходили да записывали все на казенный счет.

Вот он гулял-гулял, целый месяц прогулял, и пошел к царю.

— Что, служба, — нагулялся?

— Нагулялся, ваше величество! Хочу домой итти.

— Что ты, оставайся-ка у нас. Я тебя первым человеком сделаю.

— Нет, государь, хочется повидать своих родных.

— Ну, ступай с богом! — сказал царь, дал ему повозку, лошадей и денег столько, что в целый век не прожить.

Поехал солдат на родину, остановился дорогой в какой-то деревне и увидал знакомого солдата — в одном полку служили:

— Здравствуй, брат!

— Здравствуй!

— Как поживаешь?

— Все по-старому!

— А мне господь счастье дал: вдруг разбогател! На радостях надо бы выпить. Сбегай-ка, брат, купи ведро вина.

— Рад бы сбегать, да видишь, у меня скотина еще не убрана. Потрудись, сходи сам, кабак недалеко!

— Ладно, а ты возьми мой ранец, положи в избе, да накажи бабам, чтоб не трогали!

Отправился наш солдат за вином, а земляк его принес ранец в избу и говорит бабам:

— Не троньте!

Пока убирал он скотину, бабам не терпится:

— Дай посмотрим, что такое в ранце наложено?

Принялись расстегивать... Как выскочат оттуда черти с шумом да с треском, двери с крючьев посрывали и ну бежать! А навстречу им солдат с ведром:

— Ах, проклятые! Кто вас выпустил?

Черти испугались и бросились в буковище под мельницу да там навсегда и остались. Солдат пришел в избу, разбрал баб и давай гулять со старым товарищем. А после приехал на родину и зажил богато и счастливо.

# ИВАН-КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И МУЖИЧОК САМ С ПЕРСТ УСЫ НА СЕМЬ ВЕРСТ



В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У этого царя на дворе был столб, а в этом столбе три кольца: одно золотое, другое серебряное, а третье медное. В одну ночь царю привиделся такой сон: будто у золотого кольца был привязан конь — что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светлый месяц.

Поутру встал и приказал клич кликать: кто этот сон рас-судит и коня того достанет, за того свою дочь отдаст и полови-ну царства в придачу. Собралось на царский клич множество князей, бояр и всяких господ. Думали-думали — никто не может сна растолковать, никто не берется коня достать.

Наконец доложили царю, что у такого-то нищего старичка есть сын Иван, который может сон растолковать и коня достать. Царь приказал призвать его.

Призвали Ивана. Спрашивает его царь:

— Рассудишь ли ты мой сон и достанешь ли коня?

Иван отвечает:

— Расскажи наперед, что за сон и какой тебе конь надобен?

Царь говорит:

— В прошлую ночь привиделось мне: будто у золотого коль-ца на моем дворе был привязан конь — что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светлый месяц.

— Это не сон, а быль, потому что в прошлую ночь на этом коне приезжал к тебе двенадцатиглавый змей и хотел царевну украсть.

— А можно ли достать этого коня?

Иван отвечает:

— Можно, — только тогда, когда минет мне пятнадцать лет.

В то время Ивану было только двенадцать годочков. Царь взял его во дворец, кормил и поил до пятнадцати...

Вот как минуло Ивану пятнадцать лет, сказал он царю:

— Давай, государь, мне коня, на котором можно бы доехать до того места, где змей находится.

Царь повел его в конюшни и показал всех своих лошадей. Только не мог Иван ни одной выбрать по своей силе и тяжести: как наложит на которую лошадь свою богатырскую руку, та и упадет. И сказал он царю:

— Пусти меня в чистое поле поискать себе под силу коня.

Царь его отпустил.

Иван-крестьянский сын три года искал коня — нигде не мог сыскать. Идет со слезами обратно к царю, попадаетеся ему навстречу старичок и спрашивает:

— Что ты, парень, плачешь?

Он ему на вопрос грубо ответил, просто-напросто от себя прогнал. Старик молвил:

— Смотри, малый, не помяни меня.

Иван немного отошел от старика, подумал сам с собою: „За что я старика обидел? Старые люди много знают“.

Воротился, догнал старика, упал ему в ноги и сказал:

— Дедушка, прости меня, с горя тебя обидел. Я плачу вот о чем: три года ходил я по полю по разным табунам — нигде не мог сыскать по себе коня.

Старик отвечает:

— Поди в такое-то село, там у мужичка на конюшне стоит кобыла, а от той кобылы родился паршивый жеребенок. Ты возьми его и выкорми: он тебе будет под силу.

Иван поклонился старику и пошел в село.

Приходит к мужику прямо в конюшню, увидел кобылу с паршивым жеребенком и наложил на того жеребенка руку. Жеребенок качнулся. Он взял его у крестьянина, покормил несколько времени, приехал к царю и рассказал ему, как добыл себе коня. Потом стал собираться в гости к змею.

Царь спросил:

— Сколько тебе, Иван-крестьянский сын, надобно силы?

Отвечает Иван:

— На что мне твоя сила? Я один могу достать. Разве только для посылок дай человек шесть.

Дал ему царь шесть человек. Вот они собрались и поехали.

Долго ли, коротко ли они ехали — никому неизвестно. Ведомо только то, что приехали они к огненной реке, через реку мост лежит, а кругом реки огромный лес. В том лесу раскинули они шатер, достали разных напитков, начали пить, есть, веселиться.

Иван-крестьянский сын говорит товарищам:

— Давайте, ребята, каждую ночь поочередно караулить: не будет ли кто проезжать через эту реку?

И случилось так: кто ни пойдет из его товарищей караул держать, всякий напьется с вечера пьян и ничего не видит.

Наконец пошел караулить Иван-крестьянский сын. Смотрит: в самую полночь едет через реку змей о трех головах и подает голос:

— Нет мне ни спорщика, ни наговорщика. Есть разве оди спорщик и наговорщик — Иван-крестьянский сын, да и того воро в пузыре костей не заносил!

Иван-крестьянский сын из-под моста выскочил:

— Врешь ты! Я здесь!

— А если здесь, то давай поспорим.

И выехал змей против Ивана на коне, а Иван выступил пеший. Размахнулся своей саблей и срубил змею все три головы, а коня себе взял и привязал у шатра.

На другую ночь Иван-крестьянский сын убил шестиглавого змея, на третью ночь девятиглавого и побросал их в огненную реку. А как пошел караулить на четвертую ночь, то приехал к нему двенадцатиглавый змей и стал говорить гневно:

— Кто таков Иван-крестьянский сын? Сейчас выходи ко мне! Зачем побил моих сыновей?

Иван-крестьянский сын выступил и сказал:

— Позволь мне наперед сходить к своему шатру, а после сражаться будем.

— Хорошо, ступай!

Иван побежал к товарищам:

— Ну, ребята, вот вам таз! Смотрите в него. Когда он полон нальется крови, приезжайте ко мне.

Воротился и стал против змея, и когда они разошлись и ударились, то Иван с первого раза срубил у змея четыре головы, а сам по колена в землю ушел. Во второй раз разошлись — Иван три головы срубил, а сам по пояс в землю ушел. В третий раз



разошлись — еще три головы отсек, сам по грудь ушел. Наконец, одну срубил — по шейку ушел.

Тогда только вспомнили про него товарищи. Посмотрели в таз и увидели, что кровь через край льется. Прибежали и срубили у змея последнюю голову, а Ивана из земли вытащили. Иван-крестьянский сын взял змеиного коня и увел к шатру.

Вот прошла ночь, наступает утро. Начали добрые молодцы пить, есть, веселиться. Иван-крестьянский сын встал от веселья и сказал своим товарищам:

— Вы, ребята, меня подождите!

А сам оборотился котом, пошел по мосту через огненную реку, пришел в тот дом, где змеи жили, и стал дружиться с тамошними кошками. А в целом доме остались в живых только сама змеиха да три ее снохи. Сидят они в горнице и говорят между собою:

— Как бы нам злодея Ивана-крестьянского сына сгубить?

Малая сноха говорит:

— Куда бы ни поехал Иван-крестьянский сын, сделаю на пути голод, а сама обернусь яблоней. Как он съест яблоко, сейчас разорвет его!

Средняя сказала:

— А я на пути их сделаю жажду и оборочусь колодцем. Пусть попробуют выпить!

Старшая сказала:

— А я наведу сон, а сама сделаюсь кроватью. Если Иван-крестьянский сын ляжет, то сейчас помрет!

Наконец сама свекровь сказала:

— А я разину пасть свою от земли до неба и всех их пожру!

Иван-крестьянский сын выслушал все, что они говорили, вышел из горницы, обернулся человеком и пришел к своим товарищам.

— Ну, ребята, собирайтесь в путь!

Собрались, поехали в путь, и в первый раз на пути сделался ужасный голод, так, что нечего было перекусить. Видят они — стоит яблоня. Товарищи ивановы хотели нарвать яблоков себе, но Иван не велел.

— Это, — говорит, — не яблоня!

И начал ее рубить, — из яблони кровь пошла.

Во второй раз напала на них жажда. Иван увидал колодец, не велел пить, начал его рубить, — из колодца кровь потекла. В третий раз напал на них сон. Стоит на дороге кровать, — Иван и ее изрубил.

Подъезжают они к пасти, разинутой от земли до неба. Что делать? Вздумали с разлету через пасть скакать. Никто не мог перескочить. Только перескочил один Иван-крестьянский сын: вынес его из беды чудесный конь — что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светлый месяц.

Приехал он к одной реке. У той реки стоит избенка. Тут попадается ему навстречу мужичок-сам с перст, усы на семь верст и говорит ему:

— Отдай мне коня, а если не отдашь чество, то силой возьму!

Отвечает Иван:

— Отойти от меня, проклятый гад, пока тебя конем не раздавил!

Мужичок-сам с перст, усы на семь верст сшиб его наземь, сел на коня и уехал. Входит Иван в избенку и сильно о коне тужит. В той избенке лежит на печи безногий-безрукий и говорит Ивану:

— Послушай, добрый молодец, — не знаю, как тебя по имени назвать: зачем ты связывался с ним бороться? Я не этаким был богатырь, как ты, да и то он у меня и руки и ноги отъел!

— За что?

— А за то, что я у него на столе хлеб поел!

Иван начал спрашивать, как бы назад коня достать? Говорит ему безногий-безрукий.

— Ступай на такую-то реку, сними перевоз, три года перевози, ни с кого денег не бери, — разве тогда достанешь!

Иван-крестьянский сын поклонился ему, пошел на реку, снял перевоз и целых три года перевозил безденежно. Однажды случилось ему перевозить трех старичков, они дают ему денег, он не берет.

— Скажи, добрый молодец, почему ты денег не берешь?

Он отвечает:

— По обещанию.

— По какому?

— У меня ехидный человек коня отбил, так меня добрые люди научили, чтоб я перевоз снял да три года ни с кого денег не брал.

Старички сказали:

— Пожалуй, Иван-крестьянский сын, мы готовы тебе услужить — твоего коня достать.

— Помогите, родимые!

Старички были не простые люди, это были Мороз, Обжора и Колдун. Колдун вышел на берег, нарисовал на песке лодку и говорит:

— Ну, братцы, видите вы эту лодку?

— Видим!

— Садитесь в нее.

Сели все четверо в эту лодку. Говорит колдун:

— Ну, легкая лодочка, сослужи мне службу, как прежде служила.

Вдруг лодка поднялась по воздуху и мигом, словно стрела, из лука пущенная, привезла их к большой каменной горе. У той горы дом стоит, а в доме живет мужичок-сам с перст, а усы на семь верст. Послали старики Ивана коня спрашивать. Иван начал коня просить. Мужичок-сам с перст, усы на семь верст сказал ему:

— Укради у царя дочь и привези ко мне, тогда отдам коня.

Иван сказал про то своим товарищам, и тотчас они его оставили, а сами к царю отправились. Приезжают. Царь узнал, зачем они приехали, и приказал слугам баню истопить, докрасна накалить: пусть-де задохнутся! После попросил гостей в баню: они поблагодарили и пошли. Колдун велел наперед Морозу идти. Мороз вошел в баню и прохладил. Вот они вымылись, выпарились и пришли к царю.

Царь приказал большой обед подать. Множество всяких кушаний на стол было подано. Обжора принялся и все поел.

Ночью собрались гости потихоньку, украли царевну, привезли к мужичку-сам с перст, усы на семь верст, царевну ему отдали, а коня выручили.

Иван-крестьянский сын поклонился старичкам, сел на коня и поехал к царю. Ехал-ехал, остановился в чистом поле отдох-

нуть, разбил шатер и лег спать. Проснулся, хватя подле него царевна лежит. Он обрадовался, начал ее спрашивать:

— Как сюда попала?

Царевна сказала:

— Я обернулась булавкою да в твой воротник воткнулась.

В ту же минуту она опять стала булавкою. Иван-крестьянский сын воткнул ее в воротник и поехал дальше. Приезжают к царю, царь увидал чудного коня, принимает доброго молодца с честью и рассказывает, как у него дочь украли.

Иван говорит:

— Не горюй, государь! Я ее назад привез.

Вышел в другую комнату, царевна обернулась красной девицей. Иван взял ее за руку и привел к царю. Царь еще больше обрадовался, взял себе коня, а дочь отдал замуж за Ивана-крестьянского сына. Иван и поныне живет с молодой женой.



В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. Пришло время — записали его в солдаты. Стал он с женой прощаться и говорит:

— Смотри, жена, живи хорошенько, добрых людей не смеси, домишко не разори, хозяйничай, да меня жди, — может, бог даст, выйду в отставку, назад приду. Вот тебе пятьдесят рублей: дочку ли, сына родишь — все равно сбереги деньги до возраста. Станешь дочь выдавать замуж — будет у ней приданое, а коли бог сына даст, да войдет он в большие года, — будет и ему в тех деньгах подспорье немалое.

Попрощался с женою и пошел в поход, куда было велено.

Месяца три спустя родила баба двух близнецов-мальчиков и назвала их Иванами-солдатскими сыновьями.

Пошли мальчики в рост. Как пшеничное тесто на опаре, так

кверху и тянутся. Стукнуло ребяткам десять лет, отдала их мать учиться. Скоро они научились грамоте и боярских и купеческих детей за пояс заткнули: никто лучше их не сумеет ни прочитать, ни написать, ни ответ дать.

Боярские и купеческие дети позавидовали и давай тех близнецов каждый день поколачивать да пощипывать. Говорит один брат другому:

— Долго ли нас колотить да щипать будут? Матушка и то на нас рубашек ни нашьет, шапочек ни накупит, — что ни надем, все товарищи в клочки изорвут! Давай-ка расправляться с ними по-своему!

И согласились они друг за друга стоять, друг друга не выдавать. На другой день стали боярские и купеческие дети задирать их, а они — полно терпеть! — как пошли сдачу давать: тому глаз долой, тому руку вон, тому голову на сторону! Всех до единого перебили. Тотчас прибежали караульные, связали их, добрых молодцев, и посадили в острог.

Дошло то дело до самого царя. Он призвал мальчиков к себе, раеспросил про все и велел их выпустить.

— Они, — говорит, — не виноваты, на зачинщиков бог!

Выросли два Ивана-солдатских сына и спрашивают у матери:

— Матушка, не осталось ли от родителя каких денег? Коли осталось, дай нам. Мы пойдем в город на ярмарку, купим себе по доброму коню.

Мать дала им пятьдесят рублей — по двадцати пяти на брата — и приказывает:

— Слушайте, детушки! Как пойдете в город, отдавайте поклон всякому встречному и поперечному.

— Хорошо, родимая!

Вот отправились братья в город, пришли на конную, смотрят — лошадей много, а выбрать не из чего: все не под стать им, добрым молодцам! Говорит один брат другому:

— Пойдем на другой конец площади, глянь-ка, что народу там толпится — видимо-невидимо!

Пришли туда, протолпились, — у дубовых столбов стоят два жеребца, на железных цепях прикованы: один — на шести, другой — на двенадцати. Рвутся кони с цепей, удила кусают, роют землю копытами. Никто подойти к ним близко не может.

— Какая твоим жеребцам цена будет? — спрашивает Иван-солдатский сын у хозяина.

— Не с твоим, брат, носом соваться сюда! Есть товар, да не по тебе, — нечего и спрашивать.

— Почему знать, чего не ведаешь! Может и купим. Надо только в зубы посмотреть.

Хозяин усмехнулся: — Смотри, коли головы не жаль!

Тотчас один брат подошел к тому жеребцу, что на шести цепях был прикован, а другой брат к тому, что на двенадцати цепях держался. Стали было в зубы смотреть — куда! — жеребцы поднялись на дыбы, так и храпят...

Братья ударили их коленками в грудь — цепи разлетелись, жеребцы на пять сажен отскочили, вверх ногами попадали.

— Вон чем хвастался! Да мы этаких кляч и даром не возьмем.

Народ ахает, удивляется: что за сильные богатыри появились! Хозяин чуть не плачет: жеребцы его поскакали за город и давай разгуливать по всему чистому полю. Подойти к ним никто не решается, как поймать — никто не придумает.

Сжалились над хозяином Иваны-солдатские дети, вышли в чистое поле, крикнули громким голосом, молодецким посвистом — жеребцы прибежали и стали на месте, словно вкопанные. Тут надели на них добрые молодцы цепи железные, привели их к столбам дубовым и приковали крепко-накрепко. Справили это дело и пошли домой.

Идут путем-дорогою, а навстречу им седой старичок. Позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо, не здороваясь, да уж после один спохватился:

— Ах, братец, что ж это мы наделали, старичку поклона не отдали! Давай нагоним его да поклонимся.

Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются в пояс и говорят:

— Прости нас, дедушка, что прошли не поздоровались. Нам матушка строго наказывала: кто б на пути ни встретился, всякому честь отдавать.

— Спасибо, добрые молодцы! Куда вас бог носил?

— В город на ярмарку, хотели купить себе по доброму коню, да таких нет, чтоб нам пригодились.

— Как же быть? Нешто подарить вам по лошадке?

— Ах, дедушка! Если подаришь, станем за тебя вечно бога молить!

— Ну, пойдёмте!

Привел их старик к большой горе, отворил чугунную дверь и вывел богатырских коней:

— Вот вам и кони, добрые молодцы! Ступайте с богом, владейте на здоровье!

Они поблагодарили, сели верхом и поскакали домой.

Приехали на двор, привязали коней к столбу и вошли в избу. Начала мать спрашивать:

— Что, детушки, купили себе по лошадке?

— Купить — не купили, даром получили.

— Куда ж вы их дели?

— Возле избы поставили.

— Ах, детушки, смотрите — не увел бы кто!

— Нет, матушка, не таковские кони: не то что увести, и подойти к ним нельзя!

Мать вышла, посмотрела на богатырских коней и заплакала:

— Ну, сынки, верно, вы не кормильцы мне.

На другой день просят сыновья у матери:

— Отпусти нас в город, купим себе по сабельке.

— Ступайте, родимые!

Они собрались, пошли в кузницу. Приходят к мастеру:

— Сделай, — говорят, — нам по сабельке.

— Зачем делать? Есть готовые, сколько угодно — берите!

— Нет, нам такие сабли нужны, чтобы по триста пудов весили.

— Эх, что выдумали! Да кто ж этакую махину ворочать будет?

Да и горна такого во всем свете не найдешь!..

Нечего делать — пошли добрые молодцы домой и головы повесили. Идут путем-дорогою, а навстречу им опять тот же старичок:

— Здравствуйте, молодые юноши!

— Здравствуй, дедушка!

— Куда ходили?

— В город, в кузницу, хотели купить себе по сабельке, да таких нет, чтобы нам по руке пришлись.

— Плохое дело! Нешто подарить вам по сабельке?

— Ах, дедушка! Если подаришь, станем за тебя вечно бога молить!

Старичок привел их к большой горе, отворил чугунную дверь и вынес две богатырских сабли. Они взяли сабли, поблагодарили старика, и радостно, весело у них на душе стало!

Приходят домой, мать спрашивает:

— Что, детушки, купили себе по сабельке?

— Купить — не купили, даром получили.

— Куда ж вы их дели?

— Возле избы поставили.

— Смотрите, как бы кто не унес.

— Нет, матушка, не то что унести, даже увезти нельзя.

Мать вышла на двор, глянула — две сабли богатырские в стене приставлены, едва избушка держится! Заплакала и говорит:

— Ну, сынки, верно вы не кормильцы мне.

Наутро Иваны-солдатские дети оседлали своих добрых коней, взяли свои сабли богатырские, приходят в избу, богу молятся, с родной матерью прощаются:

— Благослови нас, матушка, в путь-дорогу дальнюю.

— Будет над вами, детушки, мое нерушимое родительское благословение. Поезжайте с богом, себя покажите, людей посмотрите. Напрасно никого не обижайте, а злым врагам не уступайте.

— Не бойся, матушка! У нас поговорка есть: еду — не свищу, а наеду — не спущу! — Сели добрые молодцы на коней и поехали.

Близко ли — далеко ли, долго ли — коротко ли, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, приезжают они на распутье — и стоят там два столба. На одном столбу написано: „Кто вправо поедет, тот царем будет“. На другом столбу написано: „Кто влево поедет, убит будет“.

Остановились братья, прочитали надписи и призадумались: куда кому ехать? Если обоим по правой дороге пуститься, — не честь, не хвала богатырской их силе, молодецкой удали. Ехать одному влево, — никому помереть не хочется!

Но делать-то нечего. Говорит один брат другому:

— Ну, братец, я посильнее тебя, давай я поеду влево да посмотрю, отчего может мне смерть приключиться. А ты поезжай направо: авось бог даст — царем сделаешься!

Стали они прощаться, дали друг другу по платочку и положили такой завет: ехать каждому своею дорогою, по дороге столбы ставить, на тех столбах про себя писать для знанья-для ведома; всякое утро утирать лицо братниным платком: если на платке кровь окажется, — значит брату смерть приключилась; при такой беде ехать мертвого разыскивать.

Разъехались добрые молодцы в разные стороны. Что вправо коня пустил, тот добрался до славного царства. В этом царстве жил царь с царицею, у них была дочь царевна Настасья-Прекрасная. Увидал царь Ивана-солдатского сына, полюбил его за удаль богатырскую и, долго не думая, отдал за него свою дочь в супружество, назвал его Иваном-царевичем и велел ему управлять всем царством. Живет Иван-царевич в радости, своею женой любит, царству порядок дает да звериной охотою тешится. В некое время стал он на охоту собираться, на коня сбрую накладывать и нашел в седле два пузырька с целительной и живительной водою. Посмотрел на них и думает: „Надо приберечь до поры-до времени: неровен час — понадобятся“.

А брат его Иван-солдатский сын, что левою дорогою поехал, день и ночь скакал без устали. Прошел месяц, и другой, и третий, и прибыл он в незнакомое государство — прямо в столичный город. В том государстве печаль великая, дома черным сукном покрыты, люди, словно сонные, шатаются. Нанял себе самую худую квартиру у бедной старушки и начал ее выпрашивать:

— Расскажи, бабушка, отчего так в вашем государстве весь народ припечалился и все дома черным сукном завешены?

— Ах, добрый молодец! Великое горе нас обуяло: каждый день выходит из синего моря, из-за серого камня двенадцатиглавый змей и поедает по человеку за один раз. Теперь дошла очередь до царя... Есть у него три прекрасные царевны, — вот только сейчас повезли старшую на взморье — змею на съеденье.

Иван-солдатский сын сел на коня и поскакал к синему морю, к серому камню. На берегу стоит прекрасная царевна — на железной цепи прикована. Увидала витязя и говорит ему:

— Уходи отсюда, добрый молодец! Скоро придет сюда двенадцатиглавый змей, я пропаду, да и тебе не миновать смерти: съест тебя лютый змей!

— Не бойся, красная девица! Авось, подавится!

Подошел к ней Иван-солдатский сын, ухватил цепь богатырской рукою и разорвал на мелкие части, словно гнилую бечевку. После прилег красной девице на колени:

— Ну-ка, поищи у меня в голове! Не столько в голове ищи, сколько на море смотри: как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхнется — тотчас разбуди меня молодца.

Красная девица послушалась: не столько в голове ищет, сколько на море смотрит. Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось, — из синего моря змей выходит, вверх подымается. Царевна разбудила Ивана-солдатского сына. Он встал, только на коня вскочил, а уж змей летит:

— Ты, Иванушка, зачем пожаловал? Ведь здесь мое место! Прощайся теперь с белым светом да полезай поскорее сам в мою глотку — тебе ж легче будет!

— Врешь, проклятый змей! Не проглотишь — подавишься!

Обнажил свою острую саблю, размахнулся, ударил и срубил у змея все двенадцать голов! Поднял серый камень, головы положил под камень, туловище в море бросил, а сам воротился домой к старухе, наелся-напился, лег спать и проспал трое суток.

В то время призвал царь водовоза и говорит:

— Ступай на взморье, собери хоть царевнины косточки.

Водовоз приехал к синему морю, видит — царевна жива, ни в чем невредима, посадил ее на телегу и завез в густой, дремучий лес. Завез в лес и давай нож точить.

— Что ты делать собираешься? — спрашивает царевна.

— Я нож точу, тебя резать хочу!

Царевна заплакала:

— Не режь меня, я тебе никакого худа не сделала.

— Скажи отцу, что я тебя от змея избавил, так помилую!

Нечего делать, согласилась. Приехала во дворец, царь обрадовался и пожаловал того водовоза полковником.

Вот как проснулся Иван-солдатский сын, позвал старуху, дает ей денег и просит:

— Поди-ка, бабушка, на рынок, закупи, что надобно, да послушай, что между людьми говорится: нет ли чего нового?

Старуха сбегала на рынок, закупила разных припасов, послушала людских вестей, воротилась назад и рассказывает:

— Идет в народе такая молва: был-де у нашего царя большой обед, сидели за столом королевичи и посланники, бояре и люди именитые. В ту пору прилетела в окно каленая стрела и упала среди зала, а к той стреле было письмо привязано от другого змея двенадцатиглавого. Пишет змей: если не вышлешь ко мне среднюю царевну, я твое царство огнем сожгу, пеплом развею. Нынче же повезут ее, бедную, к синему морю, к серому камню.

Иван-солдатский сын сейчас оседлал своего доброго коня, сел и поскакал на взморье. Говорит ему царевна:

— Ты зачем, добрый молодец? Пусть моя очередь смерть принимать, горячую кровь проливать, а тебе за что пропадать?

— Не бойся, красная девица! Может бог спасет.

Только успел сказать, летит на него лютый змей, огнем палит, смертью грозит. Богатырь ударил его острой саблей и отсек все двенадцать голов. Головы положил под камень, туловище в море кинул, а сам домой вернулся, наелся-напился и лег спать на три дня, на три ночи.

Приехал опять водовоз, увидал, что царевна жива, посадил ее на телегу, повез в дремучий лес и принялся нож точить. Спрашивает царевна:

— Зачем ты нож точишь?

— А я нож точу, тебя резать хочу. Присягни, что скажешь отцу, как мне надобно, так я тебя помилую.

Царевна дала ему клятву. Он привез ее во дворец, царь возрадовался и пожаловал водовоза генеральским чином.

Иван-солдатский сын пробудился от сна на четвертые сутки и велел старухе на рынок пойти да вестей послушать. Старуха сбегала на рынок, воротилась назад и рассказывает:

— Третий змей появился, прислал к царю письмо, а в письме требует: вывози-де меньшую царевну на съедение.

Иван-солдатский сын оседлал своего доброго коня, сел и поскакал к синему морю. На берегу стоит прекрасная царевна, на железной цепи к камню прикована. Богатырь ухватил цепь, потряхнул и разорвал словно гнилую бечевку. После прилег красной девице на колени:

— Поищи у меня в голове! Не столько в голове ищи, сколько на море смотри. Как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхнется, — тотчас разбуди меня молодца.

Царевна начала в голове искать... Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — из синего моря змей выходит, вверх подымается. Стала царевна будить Ивана-солдатского сына, толкала-толкала, нет — не просыпается. Заплакала она слезно, и капнула горячая слеза ему на щеку. От того богатырь проснулся, подбежал к своему коню, а добрый конь уж на поларшина под собой землю выбил копытами.

Летит двенадцатиглавый змей, огнем так и пышет. Взглянул на богатыря и воскликнул:

— Хорош ты, пригож ты, добрый молодец, да не быть тебе живому — съем я тебя с косточками!

— Врешь, проклятый змей, подавишься!

Начали они биться смертным боем. Иван-солдатский сын так быстро и сильно махал своей саблей, что она докрасна раскалилась — нельзя в руках держать! Взмолился он царевне:

— Спасай меня, красная девица! Сними с себя дорогой платочек, намочи в синем море и дай обернуть саблю.

Царевна тотчас намочила свой платочек и подала доброму молодцу. Он обернул саблю и давай рубить змея. Срубил ему все двенадцать голов, головы под камень положил, туловище в море бросил, а сам домой поскакал, наелся-напился и лег спать на трое суток.

Царь посылает опять водовоза на взморье. Приехал водовоз, взял царевну и повез в дремучий лес. Вынул нож и стал точить.

— Что ты делаешь? — спрашивает царевна.

— Нож точу, тебя резать хочу! Скажи отцу, что я змея победил, так помилую.

Устрашил красную девицу, — поклялась она говорить по его словам. А меньшая дочь была у царя любимая. Как увидал он ее живою, ни в чем невредимою, пуще прежнего возрадовался и захотел водовоза жаловать — выдать за него замуж меньшую царевну.

Прошел про то слух по всему государству. Узнал Иван-солдатский сын, что у царя свадьба затевается, и пошел прямо во дворец, а там пир идет, гости пьют и едят, всякими играми забавляются. Меньшая царевна взглянула на Ивана-солдатского сына, увидала на его сабле свой дорогой платочек, выскочила из-за стола, взяла его за руку и стала отцу доказывать:

— Государь-батюшка! Вот кто избавил нас от змея лютого, от смерти напрасной, а водовоз только знал нож точить да приговаривать: я-де нож точу, тебя резать хочу!

Царь разгневался, тут же приказал водовоза повесить, а царевну выдал замуж за Ивана-солдатского сына, и было у них веселье великое. Стали молодые жить-поживать да добра наживать.

Пока все это делалось, с братом Ивана-солдатского сына, с Иваном-царевичем, вот что случилось. Поехал он раз на охоту,

и попался ему олень быстроногий. Иван-царевич ударил по лошади и пустился за ним в погоню. Мчался-мчался и выехал на широкий луг. Тут олень с глаз пропал. Смотрит царевич и думает, куда теперь путь направить?

Глядь: на том лугу ручеек протекает, на воде две серые утки плавают. Прицелился он из ружья, выстрелил и убил пару уток. Вытащил их из воды, положил в сумку и поехал дальше. Ехал-ехал, увидал белокаменные палаты, слез с лошади, привязал ее к столбу и пошел в комнаты. Везде пусто — нет ни единого человека, только в одной комнате печь топится, на шестке стоит сковородка, на столе прибор готов — тарелка, вилка и нож. Иван царевич вынул из сумки уток, ощипал, вычистил, положил на сковородку и сунул в печку. Зажарил, поставил на стол, режет да кушает. Вдруг откуда ни возьмись является к нему красная девица, такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И говорит ему:

— Хлеб-соль, Иван-царевич!

— Милости просим, красная девица! Садись со мною кушать.

— Я бы села с тобою, да боюсь: у тебя конь волшебный.

— Нет, красная девица, не узнала! Мой волшебный конь дома остался, а я на простом приехал.

Как услышала это красная девица, тотчас начала дуться, надулась и сделалась страшною львицею, разинула пасть и проглотила царевича целиком. Была то не простая девица, а родная сестра трех змеев, что побиты Иваном-солдатским сыном.

Вспомнил Иван-солдатский сын про своего брата, вынул платок из кармана, утерся, смотрит — весь платок в крови. Сильно он запечалился:

— Что за притча! Поехал мой брат в хорошую сторону, где бы ему царем быть, а он смерть получил!

Отпросился у жены и тестя и поехал на своем богатырском коне разыскивать брата Ивана-царевича. Ближе ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли — приезжает в то самое государство, где его брат проживал. Расспросил про все и узнал, что поехал-де царевич на охоту да так и сгинул — назад не бывал.

Иван-солдатский сын той же самой дорогой поехал охотиться. Попадаетея и ему олень быстроногий. Пустился богатырь за ним в погоню, выехал на широкий луг — олень с глаз пропал. Смот-

рит — на лугу ручеек протекает, на воде две утки плавают. Иван-солдатский сын застрелил уток, приехал в белокаменные палаты и вошел в комнаты. Везде пусто, только в одной комнате печь топится, на шестке сковородка стоит. Он зажарил уток, вынес на двор, сел на крылечко, режет да кушает.

Вдруг является к нему красная девица:

— Хлеб-соль, добрый молодец! Зачем на дворе кушаешь?

Отвечает Иван-солдатский сын:

— Да в горнице неохотно: на дворе веселее будет! Садись со мною, красная девица!

— Я бы с радостью села, да боюсь твоего коня волшебного.

— Полно, красавица! Я на простой лошаденке приехал.

Она сдуру и поверила и начала дуться, надулась страшною львицею и только хотела проглотить доброго молодца, как прибежал его волшебный конь и обхватил ее богатырскими ногами. Иван-солдатский сын обнажил свою саблю острую и крикнул зычным голосом:

— Стой, проклятая! Ты проглотила моего брата Ивана-царевича, выкинь его назад, не то изрублю тебя на мелкие части.

Львица рыгнула и выкинула Ивана-царевича: он мертвый, в гниль пошел, голова облезла. Тут Иван-солдатский сын вынул из седла два пузырька с водою целительной и живительной, сбрызнул брата целительной водою — мясо срослось, сбрызнул живительной водою — царевич встал и говорит:

— Ах, как же я долго спал!

Отвечает Иван-солдатский сын:

— Век бы тебе спать, если бы не я!

Потом берет свою саблю и хочет рубить львице голову. Она обернулась душой-девицею, такой красавицей, что и рассказать нельзя, начала слезно плакать и просить прощения. Глядя на ее красоту неописанную, смиловался Иван-солдатский сын и пустил ее на волю-вольную.

Приехали братья во дворец, сотворили трехдневный пир. После попрощались: Иван-царевич остался в своем государстве, а Иван-солдатский сын поехал к своей супруге и стал с нею поживать в любви и согласии.

В некое время вышел Иван-солдатский сын в чистое поле прогуляться, попадаетея ему навстречу малый ребенок и просит

милостыньку. Жалко стало доброму молодцу, вынул из кармана золотой и дает мальчику. Мальчик принимает милостыньку, а сам дуется — оборотился львом и разорвал богатыря на мелкие части. Через несколько дней то же самое приключилось и с Иваном-царевичем: вышел он в сад погулять, а навстречу ему старичок, низко кланяется и просит милостыньку. Царевич подает ему золотой. Старик принимает милостыньку, а сам дуется — обернулся львом, схватил Ивана-царевича и разорвал на кусочки. Так и пропали сильномогучие богатыри, извела их сестра змеиная.



## ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА

## И ПОЛУНОЧКА



В некотором государстве жил-был король, у него было три дочери красоты неописанной. Король берег их пуще глаза своего, устроил подземные палаты и посадил их туда, словно птичек в клетку, чтобы ни буйные ветры на них не повеяли, ни красное солнышко лучом не опалило. Раз как-то вычитали королевны в одной книге, что есть чудесный белый свет, и когда король пришел навестить их, они тотчас же начали его со слезами упрашивать:

— Государь ты наш батюшка, выпусти нас на белый свет посмотреть, в зеленом саду погулять.

Король принялся было их отговаривать, — куда!.. — и слышать не хотят: чем больше отказывает, тем они пуще к нему пристают. Нечего делать, согласился король на их неотступную просьбу.

Вот прекрасные королевны вышли в сад погулять, увидели красное солнышко и деревья, и цветы, и несказанно возрадовались, что им волен белый свет. Бегают по саду, забавляются, всякою травкой любуются, — как вдруг подхватило их буйным ветром и унесло высоко-далеко, неведомо куда. Мамки и няньки всполошились, побежали к королю докладывать. Король тотчас

разослал во все стороны своих верных слуг: кто на след нападет, тому посулил большую награду пожаловать. Слуги ездили-ездили, ничего не проведали, с чем поехали — с тем и назад воротились.

Король созвал свой большой совет, стал у думных бояр спрашивать: не возьмется ли кто разыскать его дочерей. Кто это дело сделает, за того любую королевну замуж отдаст и богатым приданым на всю жизнь наделит. Раз спросил — бояре молчат, в другой — не отзываются, в третий — никто ни полслова! Залился король горячими слезами:

— Видно, нет у меня ни друзей, ни заступников! — И велел по всему государству клич кликать: не выищется ли кто на такое дело из простых людей?

А в то самое время жила-была в одной деревне бедная вдова, и было у нее трое сынов — сильномогучих богатырей. Все они родились в одну ночь: старший с вечера, средний в полночь, а меньший на утренней ранней заре, и назвали их потому: Вечорка, Полуночка и Зорька. Как дошел до них королевский клич, они тотчас взяли у матери благословение, собрались в путь и поехали в столичный город.

Приехали к королю, поклонились ему низко и молвили:

— Многолетно здравствуй, государь! Мы пришли к тебе не пир пировать, службу служить: позволь нам поехать твоих королевен разыскать.

— Спасибо вам, добрые молодцы! Как вас по имени зовут?

— Мы три брата родные: Зорька, Вечорка и Полуночка.

— Чем же вас на дорогу пожаловать?

— Нам, государь, ничего не надобно: не оставь только нашей матушки, призри ее в бедности да и в старости.

Король взял старуху, поместил ее во дворец и велел кормить ее со своего стола, одевать-обувать из своих кладовых.

Отправились добрые молодцы в путь-дорогу. Едут месяц, и другой, и третий, и заехали в широкую, пустынную степь. За той степью дремучий лес, а у самого леса стоит избушка. Постучались в окошко — нет отзыва, вошли в двери, а в избушке нет никого.

— Ну, братцы, останемся здесь на время, отдохнем с дороги.

Разделись, помолились богу и легли спать. Наутро меньший брат Зорька говорит старшему брату Вечорке:

— Мы двое на охоту пойдём, а ты оставайся дома да приготовь нам обед.

Старший брат согласился. Возле той избушки был хлев, полон овец. Вот он, долго не думая, взял что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и зажарил к обеду. Приготовил все, как надобно, и лег на лавочку отдохнуть.

Вдруг застучало, загремело, — отворилась дверь, и вошел старичок с ноготок, борода с локоток, глянул сердито и закричал на Вечорку:

— Как смел в моем доме хозяйничать, как смел моего барана резать?

Отвечает Вечорка:

— Прежде вырасти, а то тебя от земли не видать! Вот возьму щей ложку да хлеба крошку — все глаза заплесну!

Старичок с ноготок еще пуще озлобился:

— Я мал, да удал!

Схватил горбушку хлеба и давай его в голову бить, до полусмерти прибил, чуть-чуть живого оставил и бросил под лавку. Потом съел зажаренного барана и ушел в лес. Вечорка обвязал голову тряпицей, лежит да охает.

Воротились братья, спрашивают:

— Что с тобой поделалось?

— Эх, братцы! Затопил я печку, да от великого жара разболелась у меня головушка — весь день, как шальной, провалялся, не мог ни варить, ни жарить!

На другой день Зорька с Вечоркой на охоту пошли, а Полуночку дома оставили: пусть-де обед приготовит. Полуночка развел огонь, выбрал самого жирного барана, зарезал его, поставил в печь, управился и лег на лавку. Вдруг застучало, загремело — вошел старичок сам с ноготок, борода с локоток и давай его бить-колотить. Чуть-чуть совсем не ухлопал! Съел жареного барана и ушел в лес. Полуночка завязал платком голову, лежит под лавкою и охает.

Воротились братья.

— Что с тобой? — спрашивает Зорька.

— Угорел, братцы! Всю головушку разломило, и обеда вам не готовил.

На третий день старшие братья на охоту пошли, а Зорька



дома остался. Выбрал что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и зажарил. Управился и лег на лавочку. Вдруг застучало, загремело — идет во двор старичок сам с ноготок, борода с локоток, на голове целый стог сена тащит, а в руках большой чан воды несет.

Поставил чан с водою, раскидал сено по двору и принялся овец считать. Видит — опять нехватает одного барана, рассердился, побежал в избушку, бросился на Зорьку и крепко ударил его в голову. Зорька вскочил, ухватил старичка за длинную бороду — и ну таскать во все стороны. Таскает да приговаривает:

— Не узнав броду, не суйся в воду!

Взмолился старичок сам с ноготок, борода с локоток:

— Смилуйся, сильномогучий богатырь! Не предавай меня смерти, отпусти душу на покаяние.

Зорька вытащил его на двор, подвел к дубовому столбу и в тот столб забил его бороду большим железным клином. После воротился в избу, сидит да братьев дожидается.

Пришли братья с охоты и дивуются, что он цел-невредим. Зорька усмехается и говорит:

— Пойдемте-ка, братцы! Ведь я ваш угар поймал, к столбу привязал.

Выходят на двор, смотрят — старичок с ноготок давно убежал, только половина бороды на столбе мотается. А где он бежал — тут кровь лилась.

По тому следу добрались братья до глубокого провала. Зорька пошел в лес, надрал лыков, свил веревку и велел спустить себя под землю. Вечорка и Полуночка спустили его под землю. Очутился он на том свете, отвязался от веревки и пошел, куда глаза глядят.

Шел-шел, — стоит медный дворец. Он во дворец, встречает его младшая королева — краше цвета алого, белей снега белого, и ласково спрашивает:

— Как зашел сюда, добрый молодец, по воле али поневоле?

— Твой родитель послал вас, королевен, разыскивать.

Она тотчас посадила его за стол, накормила-напоила и дает ему пузырек с сильной водою:

— Испей-ка этой водицы, у тебя силы прибавится.

Зорька выпил тот пузырек и почувал в себе мощь великую.

„Теперь, думаю, хоть кого осилю“.

Тут поднялся буйный ветер, королева испугалась:

— Сейчас, — говорит, — мой змей прилетит!

Взяла его за руку и схоронила в другой комнате. Прилетел трехглавый змей, ударился о сырую землю, обернулся молодцом и закричал:

— А, русским духом пахнет!.. Кто у тебя в гостях?

— Кому у меня быть? Ты по Руси летал, там русского духа набрался — оттого и здесь тебе чудится.

Змей запросил есть и пить. Королева принесла ему разных кушаний и напитков, а в те напитки подсыпала сонного зелья. Змей наелся-напился, стало его в сон бросать. Он заставил королеву искать у себя в головах, лег к ней на колени и заснул крепким сном.

Королева вызвала Зорьку. Тот вышел, размахнул мечом и отрубил змею все три головы. Потом разложил костер, сжег змея поганого и пустил пепел по чистому полю.

— Теперь прощай, королева! Пойду искать твоих сестер, а как найду — за тобой ворочусь, — сказал Зорька и пошел в дорогу.

Шел-шел, видит — серебряный дворец. В том дворце жила средняя королева. Зорька убил тут шестиглавого змея — и пошел дальше. Долго-ли, коротко-ли — добрался он до золотого дворца. В том дворце жила старшая королева. Он убил двенадцатиглавого змея и освободил ее от заключения. Королева возрадовалась, стала домой собираться, вышла на широкий двор, махнула красным платочком — золотое царство в яичко скаталось. Взяла то яичко, положила в карман и пошла с Зорькою-богатырем за своими сестрицами. Те то же самое сделали: скатали свои царства в яички, забрали с собой и отправились к провалу. Вечорка и Полуночка вытащили своего брата и трех королевен на белый свет. Приезжают они вместе в свое государство. Королевы покатали в чистом поле своими яичками — тотчас явились три царства: медное, серебряное и золотое. Король так обрадовался, что и рассказать нельзя. Тотчас же обвенчал Зорьку, Вечорку и Полуночку со своими дочерьми, а по смерти сделал Зорьку своим наследником.



# СКАЗКА

## ОБ ИВАНЕ ЦАРЕВИЧЕ

### ЖАР ПТИЦЕ И СЕРОМ ВОЛКЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, по имени Выслав Андронович. У него было три сына-царевича: первый — Дмитрий-царевич, другой — Василий-царевич, а третий — Иван-царевич. У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый, что ни в одном государстве лучше не было. В том саду росли разные дорогие деревья с плодами и без плодов, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблоне росли яблочки все золотые.

Повадилась к царю Выславу летать в сад жар-птица. На ней перья золотые, а глаза восточному хрусталу подобны. Летала она в тот сад каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала с нее золотые яблочки и опять улетала. Царь Выслав Андронович весьма кручинился о той яблоне, что жар-птица много с нее яблочек сорвала. Призвал он к себе трех своих сыновей и сказал им:

— Дети мои любезные! Кто из вас может поймать в моем саду жар-птицу? Кто изловит ее живую, тому еще при жизни моей отдам половину царства, а по смерти и все...

Тогда царевичи сказали единогласно:

— Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! Мы с великой радостью будем стараться поймать жар-птицу живую!

В первую ночь пошел караулить в сад Дмитрий-царевич и, усевшись под ту яблоню, с которой жар-птица яблочки срывала, заснул и не слышал, как та жар-птица прилетала и яблочек весьма много ощипала. Поутру царь Выслав Андронович призвал к себе своего сына Дмитрия-царевича и спросил:

— Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?

Он родителю своему отвечал:

— Нет, милостивый государь-батюшка, она эту ночь не прилетала.

На другую ночь пошел в сад караулить жар-птицу Василий-царевич. Он сел под ту же яблоню и, сидя час и другой ночи, заснул так крепко, что не слышал, как жар-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Выслав призвал его к себе и спросил:

— Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?

— Милостивый государь-батюшка, она эту ночь не прилетала.

На третью ночь пошел в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблоню. Сидит он час, другой и третий. Вдруг осветило весь сад так, как бы он многими огнями освещен был. Прилетела жар-птица, села на яблоню и начала щипать яблочки. Иван-царевич подкрался к ней так искусно, что ухватил ее за хвост. Однако не мог ее удержать: жар-птица вырвалась и полетела, и осталось у Ивана-царевича в руке только одно перо из хвоста, за которое он весьма крепко держался.

Поутру, лишь только царь Выслав от сна пробудился, Иван-царевич пошел к нему и отдал перышко жар-птицы. Царь Выслав был обрадован, что меньшему его сыну удалось хотя одно перо достать от жар-птицы. Это перо было так чудно и светло, что ежели принести его в темную горницу, то оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч.

Царь Выслав положил то перышко в свой кабинет как такую вещь, которая должна вечно храниться. С тех пор жар-птица не летала уже в сад.

Царь Выслав опять призвал к себе детей своих и говорит им:

— Дети мои любезные, я даю вам благословение, поезжайте и отыщите жар-птицу и привезите ко мне живую. А что прежде я обещал, то, конечно, получит тот, кто жар-птицу ко мне привезет.

Дмитрий и Василий-царевичи начали иметь злобу на меньшего своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жар-птицы из хвоста перо. Взяли они у отца своего благословение и поехали двое отыскивать жар-птицу. А Иван-царевич также начал у родителя своего просить на то благословение. Царь Выслав сказал ему:

— Сын мой любезный, чадо мое милое, ты еще молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен. Зачем тебе от меня отлучаться? Ведь братья твои и так поехали. Ну ежели и ты от меня уедешь, и вы все трое долго не возвратитесь? Я уже

при старости и хожу под богом. Ежели во время отлучки вашей господь бог отымет мою жизнь, то кто вместо меня будет управлять моим царством? Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому. Или неприятель под наши области подступит, а управлять войсками нашими будет некому.

Однако сколько царь Выслав ни старался удержать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его, по его неотступной просьбе. Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал себе коня и поехал в путь. Он ехал, сам не зная, куда едет... Ближе ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Приехал Иван-царевич в чистое поле, в зеленые луга. А в чистом поле стоит столб, а на столбе написаны слова: „Кто поедет от столба сего прямо, тот будет холоден и голоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мертв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется“.

Иван-царевич прочел эту надпись и поехал в правую сторону, держа на уме: хотя конь его и убит будет, зато сам жив останется и со временем может достать себе другого коня.

Он ехал день, другой и третий... Вдруг вышел ему навстречу большой серый волк и сказал:

— Ох, ты, гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! Ведь ты читал на столбе написано, что конь твой будет мертв? Так зачем сюда едешь? — Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошел прочь в сторону.

Иван-царевич очень сокрушался о своем коне, заплакал горько и пошел пешком. Он шел целый день и устал несказанно, и только что хотел присесть отдохнуть, вдруг нагнал его серый волк и сказал ему:

— Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты изнурился. Жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Добро! Садись на меня, на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?

Иван-царевич сказал серому волку, куда ему ехать надобно, и серый волк помчался с ним пуще коня и через некоторое время, как раз ночью, привез Ивана-царевича к невысокой каменной стене, остановился и сказал:



— Ну, Иван-царевич, слезай с меня, с серого волка, и полезай через эту каменную стену. Тут за стеной сад, а в том саду жар-птица сидит в золотой клетке. Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай. Ежели клетку возьмешь, то тебе оттуда не уйти будет, — тебя тотчас поймают!

Иван-царевич перелез через каменную стену в сад, увидел жар-птицу в золотой клетке и очень ею прельстился. Вынул птицу из клетки и пошел назад, да потом одумался и сказал сам себе:

— Что я взял жар-птицу без клетки, куда я ее посажу?

Воротился и лишь только взял клетку, — вдруг пошел стук и гром по всему саду, ибо к той золотой клетке были струны проведены. Караульные тотчас проснулись, прибежали в сад, поймали Ивана-царевича с жар-птицею и привели к своему царю, которого звали Долматом.

Царь Долмат весьма разгневался на Ивана-царевича и вскричал на него громким и сердитым голосом:

— Как не стыдно тебе, молодой юноша, воровать! Да кто ты таков и которой земли, и какого отца сын, и как тебя по имени зовут?

Иван-царевич ему молвил:

— Я из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иван-царевич. Твоя жар-птица повадилась к нам летать в сад во всякую ночь и срывала с любимой отца моего яблони золотые яблочки и почти все дерево испортила. Для того послал меня мой родитель, чтобы сыскать жар-птицу и к нему привезти.

— О ты, молодой юноша, Иван-царевич, — молвил царь Долмат. — Пригоже ли так делать, как ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе жар-птицу с честью отдал. А теперь хорошо ли будет, когда я разошлю во все государства о тебе объявить, как ты в моем государстве нечестно поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу, съездишь за тридевять земель, в тридесятое царство и достанешь мне от царя Афрона коня златогривого, то я тебя в твоей вине прощу и жар-птицу тебе с великой честью отдам. А ежели не сослужишь этой службы, то дам о тебе знать во все государства, что ты нечестный, вор.

Иван-царевич пошел от царя Долмата в великой печали, обещая ему достать коня златогривого.

Пришел он к серому волку и рассказал ему обо всем, что царь Долмат говорил.

— Ох, ты, гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! — молвил ему серый волк. — Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую клетку?

— Виноват я перед тобою, — сказал волку Иван-царевич.

— Добро, быть так, — молвил серый волк. — Садись на меня, на серого волка: я тебя свезу, куда тебе надобно.

Иван-царевич сел серому волку на спину, а волк побежал так скоро, как стрела. Бежал он долго ли, коротко ли, наконец прибежал в государство царя Афрона ночью. Придя к белокаменным царским конюшням, серый волк сказал Ивану-царевичу:

— Ступай, Иван-царевич, в эти белокаменные конюшни (теперь караульные конюхи все крепко спят) и бери ты коня златогривого. Только тут на стене висит золотая узда, ты ее не бери, а то худо тебе будет.

Иван-царевич, войдя в белокаменные конюшни, взял коня и пошел было назад. Но увидел на стене золотую узду и так ею прельстился, что снял ее с гвоздя, и только что снял, — как вдруг пошел гром и шум по всем конюшням, потому что к этой узде были струны проведены. Караульные конюхи тотчас проснулись, прибежали, Ивана-царевича поймали и повели к царю Афрону.

Царь Афрон начал его спрашивать:

— Ох, ты, гой еси, молодой юноша! Скажи мне, из которого ты государства и которого отца сын, и как тебя по имени зовут?

На то отвечал ему Иван-царевич:

— Я сам из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иваном-царевичем.

— Ох, ты, молодой юноша, Иван-царевич! — сказал ему царь Афрон. — Честного ли рыцаря<sup>1</sup> это дело, которое ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе коня златогривого с честью отдал. А теперь хорошо ли тебе будет, когда я разошлю во все государства объявить, как ты нечестно в моем государстве поступил?

---

<sup>1</sup> Рыцарь — конный воин из дворян. В переносном смысле — храбрый, доблестный воин.

Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу и съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство и достанешь мне королеву Елену Прекрасную, в которую я давно и душою и сердцем влюбился, а достать не могу, то я тебе эту вину прощу и коня златогривого с золотою уздой честно отдам. А ежели этой службы мне не сослужишь, то я о тебе дам знать во все государства, что ты нечестный, вор.

Тогда Иван-царевич обещался царю Афрону королеву Елену Прекрасную достать, а сам пошел из палат его и горько заплакал.

Пришел к серому волку и рассказал все, что с ним случилось.

— Ох, ты, гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! — молвил ему серый волк. — Для чего ты слова моего не послушался и взял золотую узду?

— Виноват я перед тобою, — сказал волку Иван-царевич.

— Добро, быть так, — продолжал серый волк. — Садись на меня, на серого волка, я тебя свезу, куда тебе надобно.

Иван-царевич сел серому волку на спину, а волк побежал так скоро, как стрела. Наконец прибежал в государство королевы Елены Прекрасной и, придя к золотой решетке, которая окружала чудесный сад, волк сказал Ивану-царевичу:

— Ну, Иван-царевич, слезай теперь с меня, с серого волка, и ступай назад по той же дороге, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня в чистом поле под зеленым дубом.

Иван-царевич пошел, куда ему было велено. Серый же волк сел близ той золотой решетки и дожидался, покуда пойдет прогуляться в сад королева Елена Прекрасная. К вечеру, когда солнышко стало опускаться к западу, почему и в воздухе было не очень жарко, королева Елена Прекрасная пошла в сад прогуливаться со своими нянюшками и придворными барынями.

Когда она вошла в сад и подходила к тому месту, где серый волк сидел за решеткою, — вдруг серый волк перескочил за решетку в сад, ухватил королеву Елену Прекрасную, перескочил назад и побежал с нею что есть силы-мочи.

Прибежал в чистое поле под зеленый дуб, где его Иван-царевич дожидался, и сказал ему:

— Иван-царевич, садись поскорее на меня, на серого волка.

Иван-царевич сел на него, а серый волк помчал их обоих к государству царя Афрона. Няньки и мамки и все боярыни придворные, которые гуляли в саду с прекрасною королевой Еленою, побежали тотчас во дворец и послали в погоню, чтоб догнать серого волка. Однако, сколько гонцы ни гнались, — не могли нагнать и воротились назад.

Иван-царевич, сидя на сером волке вместе с прекрасною королевною Еленою, возлюбил ее сердцем, а она — Ивана-царевича. Когда серый волк прибежал в государство царя Афрона и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королеву Елену во дворец и отдать царю, тогда царевич весьма запечалился и начал слезно плакать. Серый волк спросил его:

— О чем ты плачешь, Иван-царевич?

На то ему Иван-царевич отвечал:

— Друг мой, серый волк! Как мне, доброму молодцу, не плакать и не крушиться?<sup>1</sup> Я сердцем возлюбил прекрасную королеву Елену, а теперь должен отдать ее царю Афрону за коня златогривого. А ежели ее не отдам, то царь Афрон обесчестит меня во всех государствах.

— Служил я тебе много, Иван-царевич, — сказал серый волк, — сослужу и эту службу. Слушай, Иван-царевич: я сделаюсь прекрасной королевой Еленою, а ты меня отведи к царю Афрону и возьми коня златогривого. Он меня почтет за настоящую королеву. И когда ты сядешь на коня златогривого и уедешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона в чистое поле погулять. И как он меня отпустит с нянюшками и мамушками и со всеми придворными боярынями, и буду я с ними в чистом поле, тогда ты меня вспомни, — и я опять у тебя буду.

Серый волк вымолвил эти речи, ударился о сырую землю и стал прекрасною королевною Еленою, так что никак и узнать нельзя, чтоб то не она была. Иван-царевич взял серого волка, пошел во дворец к царю Афрону, а прекрасной королевне Елене велел дожидаться за городом. Когда Иван-царевич пришел к царю Афрону с мнимою Еленою Прекрасною, то царь очень возрадовался в сердце своем, что получил такое сокровище, которого он давно желал. Он принял ложную королеву, а коня златогривого вручил Ивану-царевичу.

---

<sup>1</sup> Крушиться — кручиниться, огорчаться.

Иван-царевич сел на того коня и выехал за город, посадил с собою Елену Прекрасную и поехал дальше, держа путь к государству царя Долмата.

Серый же волк живет у царя Афрона день, другой и третий вместо прекрасной королевы Елены, а на четвертый день пришел к царю Афрону отпроситься в чистое поле погулять, чтоб разбить тоску-печаль лютую. Возговорил ему царь Афрон:

— Ах, прекрасная моя королева Елена! Я для тебя все сделаю, отпущу тебя в чистое поле погулять.

И тотчас приказал нянюшкам и мамушкам и всем придворным боярыням с прекрасною королевною итти в чистое поле гулять.

Иван же царевич ехал путем-дорогою с Еленою Прекрасною, разговаривал с нею и забыл было про серого волка. Да потом вспомнил:

— Ах, где-то мой серый волк?

Вдруг откуда ни взялся — стал он перед Иваном-царевичем и сказал ему:

— Садись, Иван-царевич, на меня, на серого волка, а прекрасная королева пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на серого волка — и поехали они в государство царя Долмата. Ехали они долго ли, коротко ли — и, доехав до того государства, за три версты до города остановились. Иван-царевич начал просить серого волка:

— Слушай ты, друг мой любезный, серый волк! Сослужил ты мне много служб, сослужи мне и последнюю. А служба твоя будет вот какая: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого наместо этого, потому что с этим златогривым конем мне расстаться не хочется.

Вдруг серый волк ударился о сырую землю и стал конем златогривым. Иван-царевич, оставив прекрасную королеву Елену в зеленом лугу, сел на серого волка и поехал во дворец к царю Долмату. Как увидел царь Долмат Ивана-царевича на коне златогривом, весьма обрадовался, тотчас вышел из палат своих, встретил царевича на широком дворе, поцеловал его в уста сахарные, взял его за правую руку и повел в палаты белокаменные. Царь Долмат для такой радости велел сотворить пир, и они сели за столы дубовые, за скатерти бранные. Пили, ели, забавлялись и

веселились ровно два дня, а на третий день царь Долмат вручил Ивану-царевичу жар-птицу с золотою клеткою. Царевич взял жар-птицу, пошел за город, сел на коня златогривого с прекрасной королевой Еленою и поехал в свое отечество, в государство царя Выслава Андроновича. Царь же Долмат вздумал на другой день своего коня златогривого объездить в чистом поле. Велел его оседлать, потом сел на него и поехал в чистое поле. И лишь только разъярил коня, как он сбросил с себя царя Долмата и, оборотясь попрежнему в серого волка, побежал и нагнал Ивана-царевича.

— Иван-царевич, — сказал он. — Садись на меня, на серого волка, а королева Елена Прекрасная пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на серого волка, — и поехали они в путь. Как скоро довез серый волк Ивана-царевича до тех мест, где его коня разорвал, он остановился и сказал:

— Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно верою и правдою. Вот на сем месте разорвал я твоего коня надвое, до этого места и довез тебя. Слезай с меня, с серого волка, — теперь есть у тебя конь златогривый, так сядь на него и поезжай, куда тебе надобно, а я тебе больше не слуга.

Серый волк вымолвил эти слова и побежал в сторону, а Иван-царевич заплакал горько по серому волку и поехал в путь свой с прекрасною королевною.

Долго ли, коротко ли ехал он с прекрасною королевною Еленою на коне златогривом — и, не доехав до своего государства за двадцать верст, остановился, слез с коня и вместе с прекрасною королевною лег отдохнуть от солнечного зноя под деревом. Коня златогривого привязал к тому же дереву, а клетку с жар-птицею поставил подле себя. Лежа на мягкой траве и ведя разговоры любовные, они крепко уснули. В то самое время братья Ивана-царевича, Дмитрий и Василий-царевичи, езда по разным государствам и не найдя жар-птицы, возвращались в свое отечество с порожними руками. Нечаянно наехали они на своего сонного брата Ивана-царевича с прекрасною королевною Еленою. Увидя на траве коня златогривого и жар-птицу в золотой клетке, весьма на них прельстились и вздумали брата своего, Ивана-царевича, убить до смерти. Дмитрий-царевич вынул из ножен меч свой, заколол

Ивана-царевича и изрубил его на мелкие части. Потом разбудил прекрасную королеву Елену и начал ее спрашивать:

— Прекрасная девица, которого ты государства и какого отца дочь, и как тебя по имени зовут?

Прекрасная королева Елена, увидя Ивана-царевича мертвого, крепко испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезах говорила:

— Я королева Елена-Прекрасная, а достал меня Иван-царевич, которого вы злой смерти предали. Вы тогда б были добрые рыцари, если б выехали с ним в чистое поле да живого победили. А то убили сонного — и тем какую себе похвалу получите? Сонный человек — что мертвый.

Тогда Дмитрий-царевич приложил свой меч к сердцу прекрасной королевы Елены и сказал ей:

— Слушай, Елена Прекрасная! Ты теперь в наших руках. Мы повезем тебя к нашему батюшке, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы тебя достали и жар-птицу и коня золотогривого. Ежели этого не скажешь, сейчас тебя смерти предадим!

Прекрасная королева Елена, испугавшись смерти, обещалась им, что будет говорить так, как ей велено. Тогда Дмитрий-царевич с Васильем-царевичем начали метать жребий, кому достанется прекрасная королева Елена, а кому конь золотогривый. И жребий пал, что прекрасная королева должна достаться Василию-царевичу, а конь золотогривый Дмитрию-царевичу.

Тогда Василий-царевич взял прекрасную королеву Елену, посадил на своего доброго коня, а Дмитрий-царевич сел на коня золотогривого и взял жар-птицу, чтобы вручить ее родителю своему, царю Выславу Андроновичу, — и поехали в путь.

Иван-царевич лежал мертв на том месте ровно тридцать дней, и в то время набежал на него серый волк и узнал по духу Ивана-царевича. Захотел помочь ему — оживить, да не знал, как это сделать. В то самое время увидел волк одного ворона и двух воронят, которые летали над трупом и хотели спуститься на землю и наестся мяса Ивана-царевича. Серый волк спрятался за куст, и как скоро воронята спустились на землю и начали есть тело Ивана-царевича, он выскочил из-за куста, схватил одного вороненка и хотел было разорвать надвое.

Тогда ворон спустился на землю, сел поодаль от серого волка и сказал ему:

— Ох, ты, гой еси, серый волк! Не трогай моего младого детища, ведь он тебе ничего не сделал.

— Слушай, ворон воронович! — молвил серый волк. — Я твоего детища не трону и отпущу здоровым и невредимым, когда ты мне сослужишь службу: слетаешь за тридевять земель, в тридесятое государство и принесешь мне мертвой и живой воды.

На то ворон воронович сказал серому волку:

— Я тебе службу эту сослужу, только не тронь ничем моего сына.

Выговорив эти слова, ворон полетел и скоро скрылся из виду. На третий день ворон прилетел и принес с собой два пузырька: в одном живая вода, в другом — мертвая, и отдал те пузырьки серому волку. Серый волк взял пузырьки, разорвал вороненка надвое, sprыснул его мертвой водою — и вороненок сросся; sprыснул живою водою — вороненок встрепенулся и полетел.

Потом серый волк sprыснул Ивана-царевича мертвою водою — его тело срослось. Sprыснул живою водою — Иван-царевич встал и промолвил:

— Ах, как я долго спал!

На то сказал ему серый волк:

— Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я: ведь тебя братья твои изрубили и прекрасную королеву Елену, и коня златогривого, и жар-птицу увезли с собой. Теперь поспедай, как можно скорее, в свое отечество: брат твой Василий-царевич женится сегодня на твоей невесте — на прекрасной королеве Елене. А чтоб тебе поскорее туда попасть, садись лучше на меня, на серого волка, я тебя на себе донесу.

Иван-царевич сел на серого волка. Волк побежал с ним в государство царя Выслава Андроновича — и долго ли, коротко ли — прибежал к городу.

Иван-царевич слез с серого волка, пошел в город и, придя во дворец, застал, что брат его Василий-царевич женится на прекрасной королеве Елене: воротился с нею от венца и сидит за столом.

Иван-царевич вошел в палаты, и как только Елена Прекрас-

ная увидела его, тотчас выскочила из-за стола, начала целовать его в уста сахарные и закричала:

— Вот мой любезный жених Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!

Тогда царь Выслав Андронович встал с места и начал прекрасную королеву Елену спрашивать: что бы такое то значило, о чем она говорила? Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и как было: как Иван-царевич добыл ее, коня златогривого и жар-птицу, как старшие братья убили его сонного до смерти и как стращали ее, чтоб говорила, будто все это они достали. Царь Выслав весьма осердился на Дмитрия и Василия-царевичей и послал их в темницу, а Иван-царевич женился на прекрасной королеве Елене и начал с нею жить дружно, любовно, так что один без другого даже единой минуты пробыть не могли.



## ПОДИ ТУДА-НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО-НЕ ЗНАЮ ЧТО

В некотором государстве жил-был король холост-неженат, и была у него целая рота стрельцов<sup>1</sup>. Стрельцы на охоту ходили, перелетных птиц стреляли, государев стол дичью снабжали. В той роте служил стрелец-молодец, по имени Федот. Метко в цель попадал, почитай — никогда промаха не давал, и за то любил его король пуще всех его товарищей.

Случилось стрельцу в одно время пойти на охоту раным-ранехонько, на самой заре. Зашел в темный густой лес и видит: сидит на дереве горлица<sup>2</sup>. Федот навел ружье, прицелился, выпалил — и перешиб птице крылышко. Свалилась птица с дерева на сырую землю. Поднял ее стрелок, хочет оторвать голову да положить в сумку. И возговорит ему горлица:

<sup>1</sup> Стрелец — солдат, для которого служба являлась пожизненной.

<sup>2</sup> Горлица — дикий голубь.

— Ах, стрелец-молодец, не срывай моей буйной головушки, не своди меня с белого света. Лучше возьми меня живую, принеси в свой дом, посади на окошечко и смотри: как только найдет на меня дремота, в ту самую пору ударь меня правой рукою наотмашь — и добудешь себе великое счастье!

Крепко удивился стрелок.

„Что такое? — думает. — С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом! Прежде со мной такого случая никогда не бывало...“

Принес птицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит, дожидается. Прошло немного времени, горлица положила свою голову под крылышко и задремала. Стрелок поднял правую руку, ударил ее наотмашь легохонько — пала горлица наземь и сделалась душой-девицей, да такую прекрасною, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Другой подобной красавицы во всем свете не бывало!

Говорит она добру молодцу, королевскому стрельцу:

— Умел ты меня достать, умей и жить со мною; ты мне будешь нареченный муж, а я тебе богоданная жена!

На том они и поладили. Женился Федот — и живет себе с молодой женой, потешается, а службы не забывает. Каждое утро, ни свет, ни заря, возьмет свое ружье, пойдет в лес, настреляет разной дичи и отнесет на королевскую кухню.

Видит жена, что от той охоты весь он измаялся, и говорит ему:

— Послушай, друг, мне тебя жалко: каждый день ты беспокоишься, бродишь по лесам да по болотам, завсегда мокрехонек домой ворочаешься, а пользы нам нет никакой. Это что за ремесло! Вот я — так знаю такое, что без барышей не останешься. Добудь-ка рублей сотню, другую, все дело поправим.

Бросился Федот по товарищам: у кого рубль, у кого два занял и собрал как раз двести рублей. Принес к жене.

— Ну, — говорит она, — купи теперь на все эти деньги разного шелка. — Стрелец купил на двести рублей разного шелка. Она взяла и сказывает:

— Не тужи, молись богу да ложись спать: утро вечера мудренее!

Муж заснул, а жена вышла на крылечко, развернула свою

волшебную книгу, — и тотчас явились перед ней два неведомых молодца: что угодно — приказывай!

— Возьмите вот этот шелк и за единый час сделайте мне ковер, да такой чудный, какого в целом свете не видывано. А на ковре бы все королевство было вышито, и с городами, и с деревнями, и с реками, и с озерами.

Принялись они за работу и не только в час, а в десять минут изготовили ковер — всем на диво. Отдали его стрельцовой жене и вмиг исчезли, словно их и не было! Наутро отдает она ковер мужу.

— На, — говорит, — понеси на гостиный двор<sup>1</sup> и продай купцам, да смотри: своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Федот взял ковер, развернул, повесил на руку и пошел по гостиным рядам. Увидал один купец и спрашивает:

— Послушай, почтенный! Продаешь, что ли?

— Продаю.

— А что стоит?

— Ты торговый человек, ты и цену уставляй.

Вот купец думал-думал, не может оценить ковра — да и только! Подскочил другой купец, за ним третий, четвертый... и собралась их толпа великая. Смотрят на ковер, дивуются, а оценить не могут. В то время проезжал мимо гостиных рядов дворцовый комендант, усмотрел толпу и захотелось ему разузнать: про что толкует купечество? Вылез из коляски, подошел и говорит:

— Здравствуйте, купцы-торговцы, заморские гости! О чем речь у вас?

— Так и так, ковра оценить не можем.

Комендант посмотрел на ковер и сам дался диву.

— Послушай, стрелец, — говорит он, — скажи мне по правде по истинной, откуда добыл ты такой славный ковер?

— Моя жена вышила.

— Сколько ж тебе дать за него?

— Я и сам цены не ведаю: жена наказала не торговаться, а сколько дадут — то и наше!

— Ну, вот тебе десять тысяч!

Стрелец взял деньги и отдал ковер. А комендант этот за-

---

<sup>1</sup> Гостиный двор — торговые ряды.

всегда при короле находился — и пил и ел за его столом. Вот он поехал к королю обедать и ковер повез:

— Не угодно ль вашему величеству посмотреть, какую славленную вещь купил я сегодня?

Король взглянул — все свое царство, словно на ладони, увидел — так и ахнул!

— Вот это ковер! В жизнь мою такой хитрости не видывал. Ну, комендант, что хочешь, а ковра тебе не отдам.

Сейчас вынул король двадцать пять тысяч и отдал ему из рук в руки, а ковер во дворце повесил.

„Ничего, — думает комендант, — я себе другой еще лучше закажу“. Сейчас поскакал к стрельцу, разыскал его избушку, входит в светлицу и, как только увидал стрельцову жену, в ту ж минуту и себя и свое дело позабыл, сам не ведает, зачем приехал; перед ним такая красавица, что век бы очей не отвел, — все бы смотрел да смотрел! Глядит он на чужую жену, а в голове дума за думой:

„Где это видано, где это слыхано, чтобы простой солдат да таким сокровищем владел? Я хоть и при самом короле служу, и генеральский чин на мне положен, а такой красоты нигде не видывал!“

Насилу комендант опомнился, нехотя домой убрался. С той поры, с того времени совсем не свой сделался: и во сне и наяву только и думает, что о прекрасной стрельчихе. И ест — не заест, и пьет — не запьет, все она представляется!

Заприметил король и стал его выпрашивать:

— Что с тобой подеялось? Аль кручина какая?

— Ах, ваше величество! Видел я у стрельца жену, такой красоты во всем свете нет. Все об ней думаю: и не заесть и не запить, никаким снадобьем не заморозить!

Пришла королю охота самому полюбоваться. Приказал заложить коляску и поехал в стрелецкую слободу. Входит в светлицу, видит — красота невообразимая! Кто ни взглянет — старик ли, молодой ли, всякий без ума влюбится. Защемила его зазноба сердечная:

„Чего, — думает про себя, — хожу я холост-неженат? Вот бы мне жениться на этой красавице. Зачем ей быть стрельчихою? Ей на роду написано быть королевою“.

Воротился король во дворец и говорит коменданту:

— Слушай! Сумел ты мне показать стрельцову жену — красоту невообразимую, теперь сумей извести ее мужа. Я сам хочу на ней жениться... А не изведешь, пеняй на себя. Хоть ты и верный мой слуга, а быть тебе на виселице!

Пошел комендант, пуще прежнего запечалился. Как стрельца порешить — не придумает.

Идет он пустырями, закоулками, а навстречу ему баба-яга:  
— Стой, королевский слуга! Я все твои думки ведаю. Хочешь, пособлю твоему горю неминуемому?

— Пособи, бабушка! Что хочешь, заплачу.

— Сказан тебе королевский указ, чтоб извел ты Федота-стрельца. Это дело бы неважное: сам-то он прост, да жена у него больно хитра! Ну, да мы загадаем такую загадку, что нескоро справится. Воротись к королю и скажи: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть остров. На том острове ходит олень-золотые рога. Пусть король наберет полсотню матросов — самых негодных, горьких пьяниц, и велит изготовить к походу старый, гнилой корабль, что тридцать лет в отставке числится. На том корабле пусть пошлет Федота-стрельца добывать оленя-золотые рога. Чтоб добраться до острова, надо плыть ни много, ни мало — три года да назад с острова — три года, итого шесть лет. Вот корабль выступит в море, месяц прослужит, а там и потонет: и стрелец и матросы — все на дно пойдут!

Комендант выслушал эти речи, поблагодарил бабу-ягу за науку, наградил ее золотом и бегом к королю.

— Ваше величество! — говорит. — Так и так — можно наверно стрельца извести.

Король согласился и отдал приказ по флоту: изготовить к походу старый, гнилой корабль, нагрузить его провизией на шесть лет и посадить на него пятьдесят матросов — самых распутных и горьких пьяниц. Побежали гонцы по всем кабакам, по трактирам, набрали таких матросов, что поглядеть любо-дорого: у кого глаза подбиты, у кого нос сворочен на бок.

Как скоро доложили королю, что корабль готов, он в ту же минуту потребовал к себе стрельца.

— Ну, Федот, ты у меня молодец, первый в команде стрелец. Сослужи-ка мне службу, поезжай за тридевять земель, в тридесятое

царство — там есть остров, на том острове ходит олень-золотые рога. Поймай его живого и привези сюда.

Стрелец задумался. Не знает, что и отвечать ему.

— Думай-не думай, — сказал король, — а коли не сделаешь дела, то мой меч — твоя голова с плеч!

Федот повернулся налево кругом и пошел из дворца. Вечером приходит домой шибко печальный, не хочет и слова вымолвить. Спрашивает его жена:

— О чем, милый, закручинился? Аль невзгода какая?

Он рассказал ей все сполна.

— Так ты об этом печалишься? Есть о чем! Это службишка, не служба. Молись-ка богу да ложись спать: утро вечера мудренее. Все будет сделано.

Стрелец лег и заснул, а жена его развернула волшебную книгу, — и вдруг явились перед ней два неведомых молодца:

— Что угодно, что надобно?

— Ступайте вы за тридевять земель, в тридесятое царство — на остров, поймайте оленя-золотые рога и доставьте сюда.

— Слушаем! К свету будет исполнено.

Вихрем понеслись они на тот остров, схватили оленя-золотые рога, принесли его прямо к стрельцу на двор. За час до рассвета все дело покончили и скрылись, словно их и не было. Стрельчиха-красавица разбудила своего мужа пораньше и говорит ему:

— Поди посмотри — олень-золотые рога на твоём дворе гуляет. Бери его на корабль с собою, пять суток вперед плыви, на шестые назад поворачивай.

Стрелец посадил оленя в глухую закрытую клетку и отвез на корабль.

— Тут что? — спрашивают матросы.

— Разные припасы и снадобья. Путь долгий, мало ли что понадобится!

Настало время кораблю отчаливать от пристани. Много народу пришло пловцов провожать. Пришел и сам король, попрощался с Федотом и поставил его над всеми матросами за старшего. Пятые сутки плывет корабль по морю, берегов давно не видать. Федот-стрелец приказал выкатить на палубу бочку вина в сорок ведер и говорит матросам:

— Пейте, братцы! Не жалейте. Душа — мера!

А они тому и рады. Бросились к бочке и давай вино тянуть, да так натянулись, что тут же возле бочки попадали и заснули крепким сном. Стрелец взялся за руль, поворотил корабль к берегу и поплыл назад. А чтоб матросы про то не сведали, — знай с утра до вечера вином их накачивает: только они с перепоя глаза продерут, как уж новая бочка готова — не угодно ль опохмелиться?

Как раз на одиннадцатые сутки привалил корабль к пристани, выкинул флаг и стал палить из пушек. Король услышал пальбу и сейчас на пристань: что там такое? Увидал стрельца, разгневался и накинулся на него со всей жестокостью:

— Как ты смел до срока назад воротиться?

— А куда ж мне деваться, ваше величество? Пожалуй, иной дурак десять лет в морях проплавает да путного ничего не делает, а мы, вместо шести лет, всего-навсего десять суток проехали да свое дело справили: не угодно ль взглянуть на оленя-золотые рога?

Тотчас сняли с корабля клетку, выпустили златорогого оленя. Король видит, что стрелец прав, ничего с него не возьмешь! Позволил ему домой итти, а матросам, которые с ним ездили, дал свободу на целые на шесть лет. Никто не смей их и на службу спрашивать потому самому, что они уж эти годы заслужили.

На другой день призвал король коменданта, напустился на него с угрозами:

— Что ты, — говорит, — али шутки со мной шутишь? Видно тебе голова твоя недорога! Как знаешь, а найди случай, чтоб можно было Федота-стрельца злой смерти предать.

— Ваше королевское величество! Позвольте подумать, авось можно поправиться.

Пошел комендант пустырями да закоулками, навстречу ему баба-яга:

— Стой, королевский слуга! Я твои думки ведаю. Хочешь, пособлю твоему горю?

— Пособи, бабушка! Ведь стрелец вернулся и привез оленя-золотые рога.

— Ох, уж слышала! Сам-то он простой человек, извести его нетрудно бы — все равно, что щепоть табаку понюхать! Да же-

на у него больно хитра. Ну, да мы загадаем ей иную загадку, с которой не так скоро справится. Ступай к королю и скажи: пусть пошлет он стрельца туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. Уж этой задачи он вовеки веков не выполнит: или совсем без вести пропадет, или с пустыми руками назад придет.

Комендант наградил бабу-ягу золотом и побежал к королю. Король выслушал и велел стрельца позвать.

— Ну, Федот! Ты у меня молодец, первый в команде стрелец. Сослужил ты мне одну службу — достал оленя-золотые рога. Сослужи и другую: поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что! Да помни: коли не принесешь, то мой меч — твоя голова с плеч!

Стрелец повернулся налево кругом и пошел из дворца. Приходит домой печальный, задумчивый.

Спрашивает его жена:

— Что, милый, кручинишься? Аль еще невзгода какая?

— Эх, — говорит, — одну беду с шеи свалил, а другая навалилася; посылает меня король туда — не знаю куда, велит принести то — не знаю что. Через твою красу все напасти несу!

— Да, эта служба немалая! Чтоб туда добраться, надо девять лет итти да назад девять — итого восемнадцать лет. А будет ли толк с того — бог ведает!

— Что же делать, как же быть?

— Молись богу да ложись спать: утро вечера мудренее. Завтра все узнаешь.

Стрелец лег спать, а жена его дождалась ночи, развернула волшебную книгу — и тотчас явились перед ней два молодца:

— Что угодно, что надобно?

— Не ведаете ли: как ухитриться да пойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

— Нет, не ведаем!

Она закрыла книгу, и молодцы с глаз исчезли. Поутру будит стрельчиха своего мужа:

— Ступай к королю, проси золотой казны на дорогу — ведь тебе восемнадцать лет странствовать. А получишь деньги, заходи со мной проститься.

Стрелец побывал у короля, получил из казначейства целую

кису<sup>1</sup> золота и приходит с женой прощаться. Она подает ему ширинку<sup>2</sup> и мячик:

— Когда выйдешь из города, брось этот мячик перед собою, куда он покатится—туда и ты ступай. Да вот тебе мое рукоделье: где бы ты ни был, а как станешь умываться, — завсегда утирай лицо этою ширинкою.

Попрощался стрелец со своей женой и товарищами, поклонился на все четыре стороны и пошел за заставу. Бросил мячик перед собою; мячик катится да катится, а он за ним следом идет.

Прошло с месяц времени. Призывает король коменданта и говорит ему:

— Стрелец отправился на восемнадцать лет по белу свету таскаться, и по всему видно, что не быть ему живому. Ведь восемнадцать лет не две недели, — мало ли что в дороге случится! Денег у него много, пожалуй, разбойники нападут, ограбят да злой смерти предадут. Кажись, можно теперь за его жену приняться. Возьми-ка ты мою коляску, поезжай в стрелецкую слободку и привези ее во дворец.

Комендант поехал в стрелецкую слободку, приехал к стрельчихе-красавице, вошел в избу и говорит:

— Здравствуй, умница, король приказал тебя во дворец представить.

Приезжает она во дворец. Король встречает ее с радостью, ведет в палаты раззолоченные и говорит таково слово:

— Хочешь ли быть королевою? Я тебя замуж возьму.

— Где же это видано, где же это слыхано: от живого мужа жену отбивать! Какой ни на есть, хоть простой стрелец, а мне он — законный муж.

— Не пойдешь охотою, возьму силою!

Красавица усмехнулась, ударилась об пол, обернулась горлицей и улетела в окно.

Много царств и земель прошел стрелец, а мячик все катится. Где река встретится, там мячик мостом перебросится, где стрельцу отдохнуть захочется, там мячик пуховой постелью

<sup>1</sup> Киса — кожаный мешочек.

<sup>2</sup> Ширинка — отрезок цельной ткани, полотенце.

раскинется. Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Приходит стрелец к большому великолепному дворцу. Мячик докатился до ворот и пропал.

Вот стрелец подумал-подумал: „Дай пойду прямо!“ Вошел по лестнице в покои. Встречают его три девицы неописанной красоты:

— Откуда и зачем, добрый человек, пожаловал?

— Ах, красные девицы, не дали мне с дальнего похода отдохнуть, да начали спрашивать. Вы бы прежде меня накормили-напоили, отдохнуть положили, да тогда бы и вестей спрашивали.

Они тотчас собрали на стол, посадили его, накормили-напоили и спать уложили.

Стрелец выпался, встает с мягкой постели. Красные девицы несут к нему умывальницу и шитое полотенце. Он умылся ключевой водой, а полотенце не принимает.

— У меня, — говорит, — своя ширинка; есть чем лицо утереть.

Вынул ширинку и стал утираться. Спрашивают его красные девицы:

— Добрый человек! Скажи: откуда достал ты эту ширинку?

— Мне ее жена дала.

— Стало быть, ты женат на нашей родной сестрице!

Кликнули мать-старушку. Та как глянула на ширинку, в ту же минуту признала:

— Это моей дочки рукоделье!

Начала у гостя расспрашивать-разведывать. Он рассказал ей, как женился на ее дочери и как царь послал его туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

— Ах, зятюшка! Ведь про это диво даже я не слыхивала! Постой-ка, авось мои слуги ведают.

Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, и вдруг — откуда только взялись! — набежали всякие звери, налетели всякие птицы.

— Гой еси, звери лесные и птицы воздушные! Вы, звери, везде рыскаете, вы, птицы, всюду летаете: не слыхали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Все звери и птицы в один голос отвечали:

— Нет, мы про то не слыхивали!

Распустила их старуха по своим местам — по трущобам, по

лесам, по рощам. Воротилась в горницу, достала свою волшебную книгу, развернула ее — и тотчас явились к ней два великана:

— Что угодно, что надобно?

— А вот что, слуги мои верные! Понесите меня вместе с зятем на окиян-море широкое и станьте как раз на середине — на самой пучине.

Тотчас подхватили они стрельца со старухой, понесли их, словно вихри буйные, на окиян-море широкое и стали на середине — на самой пучине: сами, как столбы, стоят, а стрельца со старухой на руках держат. Крикнула старуха громким голосом, и приплыли к ней все гады и рыбы морские: так и кишат! Из-за них синя-моря не видно!

— Гой еси, гады и рыбы морские! Вы везде плаваете, у всех островов бываете: не слыхали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Все гады и рыбы в один голос отвечали:

— Нет! Мы про то не слыхали!

Вдруг протеснилась вперед старая колченогая лягушка, которая уж лет тридцать, как в отставке жила, и говорит:

— Ква-ква! Я знаю, где эдакое диво найти.

— Ну, милая, тебя-то мне и надобно! — сказала старуха, взяла лягушку и велела великанам себя и зятя домой отнести.

Мигом очутились они во дворце. Стала старуха лягушку допытывать:

— Как и какою дорогою моему зятю итти?

Отвечает лягушка:

— Это место на краю света — далеко-далеко! Я бы сама его проводила, да уж больно стара, еле ноги волочу. Мне туда в пятьдесят лет не допрыгать.

Старуха принесла большую банку, налила свежим молоком, посадила в нее лягушку и дает зятю:

— Неси, — говорит, — эту банку в руках, а лягушка пусть тебе дорогу показывает.

Стрелец взял банку с лягушкою, попрощался со старухой и ее дочками и отправился в путь. Он идет, а лягушка ему дорогу показывает.

Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — приходит к

огненной реке. За этой рекой высокая гора стоит, в той горе дверь видна.

— Ква-ква! — говорит лягушка. — Выпусти меня из банки, надо нам через реку переправиться.

Стрелец вынул ее из банки и пустил наземь.

— Ну, добрый молодец! Садись на меня, да не жалея, небось, не задавишь!

Стрелец сел на лягушку и прижал ее к земле: начала лягушка дуться, дулась-дулась и сделалась такая большая, словно стог сеной. У стрельца только и на уме, как бы не свалиться: „Коли свалюсь, до смерти ушибусь“. Лягушка надулась да как прыгнет — перепрыгнула через огненную реку и сделалась опять маленькою.

— Теперь, добрый молодец, ступай в эту дверь, а я тебя здесь подожду. Войдешь ты в пещеру и хорошенько спрячься. Спустя некоторое время придут туда два старца. Слушай, что они будут говорить и делать, а после, как они уйдут, и сам так говори и делай!

Стрелец подошел к горе, отворил дверь — в пещере так темно, хоть глаз выколи! Полез на карачках и стал руками щупать. Нашупал пустой шкап, сел в него и закрылся. Вот немного погодя приходят туда два старца и говорят:

— Эй, Шмат-разум! Покорми-ка нас.

В ту же минуту — откуда что взялось! — зажглись люстры, загремели тарелки и блюда, и явились на столе разные вина и кушанья. Старики напились, наелись и приказывают:

— Эй, Шмат-разум! Убери все.

Вдруг ничего не стало — ни стола, ни вин, ни кушаний, люстры все погасли. Слышит стрелец, что два старца ушли, вылез из шкапа и крикнул:

— Эй, Шмат-разум!

— Что угодно?

— Покорми меня!

Опять явились и люстры зажженные, и стол накрытый, и всякие напитки и кушанья.

Стрелец сел за стол и говорит:

— Эй, Шмат-разум! Садись, брат, со мною. Станем есть-пить вместе, а то одному мне скучно.

Отвечает невидимый голос:

— Ах, добрый человек! Откудова тебя бог принес? Скоро тридцать лет, как я двум старцам верой-правдой служу, а за все это время они ни разу меня с собой не сажали.

Смотрит стрелец и удивляется: никого не видать, а кушанья с тарелок словно кто метелочкой подметает, а бутылки с вином сами поднимаются, сами в рюмки наливаются, глядь — уж и пусты! Вот стрелец наелся-напился и говорит:

— Послушай, Шмат-разум! Хочешь мне служить? У меня житье хорошее.

— Отчего не хотеть! Мне давно надоело здесь, а ты, вижу, человек добрый.

— Ну, прибирай все да пойдем со мною!

Вышел стрелец из пещеры, оглянулся назад — нет ничего...

— Шмат-разум! Ты здесь?

— Здесь! Не бойся, я от тебя не отстану.

— Ладно! — сказал стрелец и сел на лягушку. Лягушка надулась и перепрыгнула через огненную реку. Он посадил ее в банку и отправился в обратный путь.

Пришел к теще и заставил своего нового слугу хорошенько угостить старуху и ее дочек. Шмат-разум так их употчевал, что старуха с радости чуть не плясать пошла, а лягушке, за ее верную службу, назначила по три банки молока в день давать. Стрелец распрощался с тещею и пустился домой.

Шел-шел и сильно уморился; прибились его ноги скорые, опустились руки белые.

— Эх, — говорит, — Шмат-разум! Если б ты ведал, как я устал, — просто ноги отымаются.

— Что ж ты мне давно не скажешь? Я б тебя живо на место доставил.

Тотчас подхватило стрельца буйным вихрем и понесло по воздуху так шибко, что с головы шапка свалилась.

— Эй, Шмат-разум, постой на минутку, моя шапка свалилась.

— Поздно, сударь, хватился! Твоя шапка теперь за пять тысяч верст назад.

Города и деревни, реки и леса так и мелькают перед глазами...

Вот летит стрелец над глубоким морем, и говорит ему Шмат-разум:

— Хочешь — я на этом море золотую беседку сделаю? Можно будет отдохнуть да и счастье добыть.

— А ну, сделай! — сказал стрелец и стал опускаться на море. Где за минуту только волны подымались — там появился островок, на островке золотая беседка. Говорит стрельцу Шмат-разум:

— Садись в беседку, отдыхай, на море поглядывай. Будут плыть мимо три купеческих корабля и пристанут к острову. Ты зазови купцов, угости-употчевай и променяй меня на три диковинки, что купцы с собой везут. В свое время я к тебе назад вернусь!

Смотрит стрелец: с западной стороны три корабля плывут. Увидали корабельщики остров и золотую беседку:

— Что за чудо! — говорят. — Сколько раз мы тут плавали, кроме воды, ничего не было, а тут — на поди! — золотая беседка явилась. Пристанемте, братцы, поглядим-полюбuemся.

Тотчас остановили корабельный ход и бросили якоря. Три купца-хозяина сели на легкую лодочку и поехали на остров.

— Здравствуй, добрый человек!

— Здравствуйте, купцы чужеземные! Милости просим ко мне, погуляйте, повеселитесь, роздых возьмите: нарочно для заезжих гостей и беседка выстроена.

Купцы вошли в беседку, сели на скамеечку.

— Эй, Шмат-разум! — закричал стрелец. — Дай-ка нам попить-поесть.

Явился стол, на столе вина и кушанья, чего душа захочет, — все мигом исполнено! Купцы только ахают:

— Давай, — говорят, — меняться! Ты нам своего слугу отдай, а у нас возьми за то любую диковинку.

— А какие у вас диковинки?

— Посмотри — увидишь!

Один купец вынул из кармана маленький ящичек, только открыл его — тотчас по всему острову славный сад раскинулся и с цветами и с дорожками. А закрыл ящичек — и сад пропал. Другой купец вынул из-под полы топор и начал таяпать: таяп да ляп — вышел корабль! Таяп да ляп — еще корабль! Сто раз

тяпнул — сто кораблей сделал, — с парусами, с пушками и с матросами. Корабли плывут, в пушки палят, от купца приказов спрашивают... Натешился он, спрятал свой топор — корабли с глаз исчезли, словно их и не было! Третий купец достал рог, затрубил в один конец — тотчас войско явилось: и пехота, и конница с ружьями, с пушками, со знаменами. Ото всех полков посылают к купцу рапорты, а он отдает им приказы: войска идут, музыка гремит, знамена развеваются... Натешился купец, взял трубу, затрубил с другого конца — и нет ничего, куда вся сила девалась.

— Хороши ваши диковинки, да мне непригодны! — сказал стрелец. — Войска да корабли — дело царское, а я простой солдат. Коли хотите со мной поменяться, так отдайте мне за одного слугу-невидимку все три диковинки.

— Не много ли будет?

— Ну, как знаете, а я иначе меняться не стану!

Купцы подумали: „На что нам этот сад, эти полки и военные корабли? Лучше поменяться. По крайней мере, без всякой заботы будем и сыты, и пьяны“. Отдали стрельцу свои диковинки и говорят:

— Эй, Шмат-разум! Мы тебя берем с собою, — будешь ли нам служить верой-правдою?

— Отчего не служить? Мне все равно — у кого ни жить.

Воротились купцы на свои корабли и давай всех корабельщиков поить-угощать:

— Ну-ка, Шмат-разум, поворачивайся!

Перепились все допьяна и заснули крепким сном. А стрелец сидит в золотой беседке, призадумался и говорит:

— Эх, жалко! Где-то теперь мой верный слуга Шмат-разум?

— Я здесь, господин!

Стрелец обрадовался:

— Не пора ли нам домой?

Только сказал, как вдруг подхватило его буйным вихрем и понесло по воздуху.

Купцы проснулись, захотелось им выпить с похмелья:

— Эй, Шмат-разум, давай-ка нам опохмелиться!

Никто не отзывается, никто не прислуживает. Сколько ни кричали, сколько ни приказывали — нет ни на грош толку.

— Ну, господа! Надул нас этот солдат. Теперь чорт его найдет! И остров пропал, и золотая беседка сгинула.

Погоревали-погоревали купцы, подняли паруса и отправились — куда им было надобно.

Быстро прилетел стрелец в свое государство, опустился возле синего моря на пустом месте.

— Эй, Шмат-разум! Нельзя ли здесь дворец выстроить?

— Отчего нельзя! Сейчас готов будет.

Вмиг дворец поспел да такой славный, что и сказать нельзя: вдвое лучше королевского. Стрелец открыл ящичек, и кругом дворца сад явился с редкими деревьями и цветами. Вот сидит стрелец у открытого окна, на свой сад любуется — вдруг влетела в окно горлица, ударилась оземь и оборотилась его молодой женою. Обнялись они, поздоровались, стали друг друга спрашивать, друг другу рассказывать. Говорит стрельцу жена:

— С той самой поры, как ты из дома ушел, я все время по лесам да по рощам сирой горлинкой летала.

На другой день поутру вышел король на балкон, глянул на сине-море и видит — на самом берегу стоит новый дворец, а кругом дворца зеленый сад.

— Какой это невежа вздумал на моей земле строиться?

Побежали гонцы, разведали и докладывают, что дворец тот стрельцом поставлен, и живет во дворце он сам и жена при нем. Король пуще разгневался. Приказал собрать войско и идти на взморье, сад дотла разорить, дворец на мелкие части разбить, а самого стрельца и его жену лютой смерти предать.

Усмотрел стрелец, что идет на него сильное войско королевское, схватил поскорей топор, тят да ляп — вышел корабль! Сто раз тятнул — сто кораблей сделал. Потом вынул рог, затрубил раз — повалила пехота, затрубил в другой — повалила конница.

Бегут к нему начальники из полков, с кораблей и ждут приказу. Стрелец приказал начинать сражение. Тотчас заиграла музыка, ударили барабаны, полки двинулись. Пехота ломит королевских солдат, конница догоняет, в плен забирает, а с кораблей по столичному городу так и жарят пушками. Король видит, что его армия бежит, бросился было сам войско останавливать — да куда! Не прошло и полчаса, как его самого убили. Когда кончилось сражение, собрался народ и начал стрельца просить, чтобы взял в свои руки все государство. Он на то согласился и сделался королем, а жена его королевою.

## СОДЕРЖАНИЕ

Чего на свете не бывает . . . . .	3
Клад . . . . .	5
Мужик и барин . . . . .	8
Похороны козла . . . . .	12
Разбойник Тришка-Сибиряк . . . . .	14
Батрак . . . . .	20
Как солдат в раю и в аду побывал . . . . .	24
По щучьему веленью . . . . .	33
Иван-солдат . . . . .	40
Василиса Прекрасная . . . . .	48
Летучий корабль . . . . .	57
Солдат избавляет царевну . . . . .	62
Иван-крестьянский сын и мужичок-сам с перст, усы на семь верст . . . . .	68
Два Ивана-солдатских сына . . . . .	75
Зорька, Вечорка и Полуночка . . . . .	86
Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке . . . . .	92
Поди туда — не знаю куда, принеси то, — не знаю что . . . . .	104



Тираж 10 000 экз. Подписано к печати 29/III 1941 г. КЕ—823. Печ. л. 7<sup>1/2</sup>.  
Уч.-изд. л. 7. В печ. л. 37088 зн. Цена 5 руб. 25 коп. Переплет 75 коп.

Типография издательства Ивановского областного совета депутатов трудящихся. Иваново, Типографская 4, Заказ № 1455.







6 руб.